

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)»
Институт открытого и дистанционного образования
Кафедра «Современные образовательные технологии»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой
_____ А.В. Прохоров
_____ 2020 г.

Конфискация имущества в уголовном праве России

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 40.03.01.2020.11737. ВКР

Руководитель работы
ст. преподаватель кафедры СОТ
_____ С.В. Полякова
_____ 20__ г.

Автор работы
студент группы ДО–570
_____ М.А. Баранов
_____ 20__ г.

Нормоконтролер
ст. преподаватель кафедры СОТ
_____ Е.Н. Бородина
_____ 20__ г.

АННОТАЦИЯ

Баранов М.А. Конфискация имущества в уголовном праве России. – Челябинск: ЮУрГУ, 2020, ДО–570, 58 с., библиогр. список – 82 наим., 9 л. плакатов ф. А4.

Объектом выпускной квалификационной работы являются правоотношения в сфере реализации уголовно-правовых норм, обеспечивающих применение конфискации имущества как принудительной меры уголовно-правового характера.

Цель работы состоит в комплексной характеристике института конфискации имущества как принудительной меры уголовно-правового характера по уголовному законодательству Российской Федерации.

В работе исследуется история становления и развития института конфискации имущества по уголовному законодательству России, раскрывается понятие, признаки и содержание конфискации имущества с позиции нормативно-правового и доктринального аспектов, проводится анализ преступных деяний, совершение которых влечет конфискацию имущества, выявляются актуальные проблемы конфискации имущества и предлагаются возможные пути их решения.

Результаты работы имеют практическую значимость, содержат выводы, практические рекомендации и предложения автора по совершенствованию норм Уголовного кодекса России в сфере правового регулирования института конфискации имущества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1 КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК МЕРА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ.....	9
1.1 История становления и развития института конфискации имущества по уголовному законодательству России.....	9
1.2 Понятие, признаки и содержание конфискации имущества с позиции нормативно-правового аспекта	16
1.3 Содержание конфискации имущества с позиции правового и доктринального аспектов.....	19
2 УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА.....	23
2.1 Анализ преступных деяний, совершение которых влечет конфискацию имущества.....	23
2.2 Виды имущества, подлежащего конфискации.....	31
2.3 Актуальные проблемы реализации меры государственного принуждения в виде конфискации имущества и рекомендации по их устранению (Правовые возможности по использованию зарубежного опыта конфискации имущества).....	38
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	51
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	54

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Современная уголовно-правовая политика Российского государства основана на соблюдении принципов охраны прав и свобод человека и гражданина, защиты собственности, предупреждения и профилактики преступлений.

Уголовный закон устанавливает, что лица, совершившие преступления, подлежат привлечению к уголовной ответственности и могут быть подвергнуты различным видам наказания, предусмотренным Уголовным кодексом Российской Федерации. В то же время, цели уголовной политики России не могут быть достигнуты применением одних только уголовно-правовых санкций. Поэтому законодатель в качестве мер принуждения предусмотрел и другие меры уголовно-правового характера, не относящиеся к разряду наказаний, но, тем не менее, выполняющих важные функции по достижению целей как уголовно-правовой политики, так и восстановления социальной справедливости.

Одной из таких мер наряду с принудительными мерами медицинского характера и судебным штрафом выступает конфискация имущества – уголовно-правовой институт имущественного характера, наличие которого позволяет, во-первых, возместить государству причиненный преступлением ущерб; во-вторых, изъять из оборота вещи и предметы, полученные в результате преступной деятельности; в-третьих, предотвратить совершение новых преступлений посредством отчуждения орудий и оборудования, используемых преступниками.

Конфискация имущества как уголовно-правовой институт имеет длительную историю существования. Первые упоминания о конфискации имущества в качестве наказания встречаются уже в Русской правде. Впоследствии данная мера принуждения неоднократно меняла свой правовой статус, оставаясь при этом одним из видов наказаний. Активно применялась конфискация имущества и в советское время, являясь действенным методом борьбы с взяточниками, коррупционерами и расхитителями государственного имущества.

Однако сегодня данная мера исключена из видов наказаний, перейдя в разряд «иных мер государственного принуждения». До настоящего времени в научной среде не существует единой позиции по данному поводу, что обусловлено неоднозначным восприятием практических работников и ученых предложенного законодателем статуса конфискации имущества. Более того, в период с 2003 по 2006 г.г. все упоминания о конфискации имущества были вообще исключены из текста Уголовного кодекса России, что также вызывает научные споры.

Кроме этого, вызывает ряд вопросов логика законодателя, не предусмотревшего конфискацию имущества при совершении отдельных видов преступлений экономической направленности и других категорий.

Таким образом, актуальность темы настоящего исследования обусловлена рядом значимых обстоятельств, в числе которых следует назвать:

Во-первых, необходимость дальнейшей научно-исследовательской разработки института конфискации имущества по действующему УК РФ.

Во-вторых, наличие проблем правовой регламентации института конфискации

имущества.

В-третьих, непрерывный процесс изменения правового статуса института конфискации имущества.

Степень разработанности проблемы. Вопросы конфискации имущества традиционно привлекали внимание исследователей, особенно в свете происходящего реформирования данного института. Среди наиболее значимых работ в этой сфере можно выделить диссертационные исследования Д.В. Толкова «Конфискация имущества как институт уголовного права» 2006 г.; Э.В. Мартыненко «Конфискация имущества в действующем уголовном праве России» 2010 г.; А.А. Пропостина «Конфискация имущества как мера борьбы с преступностью: прошлое, настоящее, будущее» 2010 г. и некоторые другие работы.

В то же время, несмотря на достаточно обширный массив имеющихся научных исследований по вопросам конфискации имущества, данный научный институт невозможно признать полностью изученным и разработанным, что связано как с процессом его непрерывного реформирования, так и наличием правовых пробелов в уголовном законодательстве, регулирующем отдельные вопросы конфискации имущества.

Указанные обстоятельства также подчеркивают актуальность и научную значимость проводимого исследования.

Объект выпускной квалификационной работы составляют правоотношения в сфере реализации уголовно-правовых норм, обеспечивающих применение конфискации имущества как принудительной меры уголовно-правового характера.

Предмет выпускной квалификационной работы – положения норм Уголовного кодекса Российской Федерации, регулирующих институт конфискации имущества.

Цель выпускной квалификационной работы состоит в комплексной характеристике института конфискации имущества как принудительной меры уголовно-правового характера.

Задачи выпускной квалификационной работы:

- 1) изучить историю становления и развития института конфискации имущества по уголовному законодательству России;
- 2) раскрыть понятие, признаки и содержание конфискации имущества с позиции нормативно-правового и доктринального аспектов;
- 3) провести анализ преступных деяний, совершение которых влечет конфискацию имущества;
- 4) выделить виды имущества, подлежащего конфискации;
- 5) выявить проблемы применения конфискации имущества как меры противодействия террористической и экстремистской преступности;
- 6) рассмотреть правовые возможности по использованию зарубежного опыта конфискации имущества.

Теоретической и методологической базой исследования послужили научные разработки отечественных исследователей в сфере проблемных теоретических и

практических вопросов института конфискации имущества.

Нормативно-правовую базу исследования составили положения Конституции России, Уголовного кодекса России, иных законодательных актов Российской Федерации, регулирующие правоотношения в сфере конфискации имущества.

Информационной базой выпускной квалификационной работы послужила судебная практика Челябинской области и других регионов Уральского федерального округа по преступлениям, за которые назначалась принудительная мера в виде конфискации имущества.

Научная новизна исследования состоит в том, что в данной работе предпринята попытка комплексного анализа института конфискации имущества с учетом существенных изменений законодательства, произошедших за последние годы. Кроме этого, в исследовании выявляются актуальные проблемы, существующие в сфере конфискации имущества, и предлагаются пути их решения.

Результаты выпускной квалификационной работы, в частности, представленные предложения по совершенствованию норм Уголовного кодекса России в сфере правового регулирования института конфискации имущества, имеют теоретическую и практическую значимость.

1 КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК МЕРА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

1.1 История становления и развития института конфискации имущества по уголовному законодательству России

Конфискация имущества как уголовно-правовая санкция, предусматривающая принудительное изъятие имущества, принадлежащего субъекту преступления, известна законодательству России с древнейших времен. Первое официальное закрепление такой санкции происходит в Русской правде – памятнике древнерусского права XII в. Статья 5 Русской правды упоминает о выдаче «разбойника», то есть лица, совершившего убийство, на «поток и разграбление», что подразумевало отобрание всего имущества виновного с одновременным изгнанием его и его семьи из общины [53].

Следует отметить, что «поток и разграбление» считался наиболее тяжким наказанием по Русской правде, фактически подменяя собой высшую меру. Дело в том, что древнейшее законодательство России не знало понятия смертной казни и не содержало такого вида наказания. Лишь в случае поимки вора с поличным хозяин был вправе его убить, но данную меру можно отнести, скорее, к необходимой обороне, поскольку смертная казнь приводится в исполнение при непосредственном участии государства.

Некоторые исследователи считают, что институт конфискации имущества убийцы пришел на смену возможности откупиться от смертной казни, что предусматривалось древнейшими правовыми обычаями. Например, Д.А. Савченко приводит в пример договор Руси с Византией, где предписывалось, что родственники убитого имели право на кровную месть, но также были вправе удовлетвориться откупом [57, с. 767].

Судебник 1497 г. расширяет применение конфискации, которая назначается за тяжкие и особо тяжкие преступления. При этом, в отличие от Русской правды, где «поток и разграбление» выступало в виде двух неразрывно связанных наказаний социального и имущественного характера, конфискация имущества по первому Судебнику выступала в роли сопутствующей основному наказанию санкции.

Так, в статье 7, устанавливающей ответственность за такие преступления, как поджог, убийство и разбой, предусматривалось безвозмездное изъятие доспехов виновного, участвующего в судебном поединке. В статье 8 Судебника «О татьбе» содержался порядок распоряжения имуществом виновного в целях компенсации судебных расходов.

Статья 11 Судебника, продолжая традиции откупа от смертной казни, заложенные договором Руси с Византией, и впоследствии нашедшие отражение в Русской правде, прямо говорила о том, что отсутствие у «татя» имущества, подлежащего конфискации, безусловно влекло за собой смертную казнь. Эти же положения содержатся и в статье 39, где речь шла о компенсации за ложный донос по обвинению в разбое, краже или ином «лихом деле». При отсутствии средств у виновного его имущество подлежало конфискации [61].

Некоторые исследователи высказывают мнение о том, что конфискация имущества применялась и в случаях, когда виновный выдавался истцу «головой на продажу», т.е. обращался в холопство за потерю вверенного имущества или невозвращение долга [46, с. 115]. В то же время, представляется, что обращение в холопство уже подразумевало, что у виновного нет имущества, которым он мог бы откупиться от истца, либо компенсировать причиненный ущерб.

Судебник 1550 г. сохранил традиции имущественных санкций, заложенные предшествующими памятниками права, сформировав ряд ситуаций уголовно-правового характера, при которых предусматривалась конфискация имущества «лихого человека». Прослеживается тенденция усиления имущественной ответственности. Возмещению имущественного ущерба отдается приоритет перед смертной казнью, либо применяется сразу две санкции.

Так, в статье 52 предписывалось «иск платить из статка»; сам же «лихой человек» при этом мог быть «вкинут в тюрьму до смерти» или «казнен смертною казнью». В статье 55 устанавливалось, что лицо, повинное в «церковной и головной татбе» должен подвергнуться наказанию кнутом, тюремному заключению, а впоследствии – выдаче «головой на правез до откупа» истцу. В статье 56 закреплялось, что имущество лица, подвергнутого смертной казни, подлежало конфискации в пользу истца. Статья 59, помимо компенсации истцу за счет продажи имущества ответчика, предусматривала также возмещение приказных (государственных) убытков и расходов, при наличии остатка имущества.

Таким образом, Судебники 1497 и 1550 г.г. существенно расширили сферу применения института конфискации имущества по сравнению с Русской правдой и договорами Руси с Византией, нормативно закрепив случаи обязательной компенсации причиненного имущественного вреда за счет продажи имущества истца («лихого человека»).

Соборное уложение 1649 г. не являлось уголовным законом в современном понимании, т.к. включало в себя нормы, относившиеся ко всем отраслям права того времени. Однако это первый в истории России систематизированный закон.

Наряду с другими видами наказаний Соборное уложение предусматривало разветвленную систему имущественных наказаний. А.Г. Маньков писал, что имущественные наказания по Уложению состояли в конфискации вотчин, поместий, убавке оклада, а также в конфискации движимого имущества и штрафах. Этот вид наказаний к середине XVII в. занял подчиненное место, но не утратил прежнего своего значения – компенсации материального ущерба потерпевшему и пополнения государевой казны [41, с. 213].

Нормы Уложения предусматривали конфискацию имущества в качестве наказания за различные виды преступлений, например, за преступления должностных лиц судебных органов, в основе которых, как правило, лежала корыстная мотивация. А.Г. Маньков отмечал, что при «неправом суде» истцов иск обращался против судей любого звания, повинных в этом, причем в тройном размере. С них же взыскивались судебные пошлины, «пересуд» и «правый десяток», которые шли в пользу казны.

Как и в ранее действовавших нормативных правовых актах, имущественные наказания, включающие в себя и конфискацию имущества, предусматривались, в основном, за имущественные преступления. Так, ст. 9 Уложения, устанавливающая ответственность за кражу, в частности, гласила: «...татя за первую татьбу бить кнутом, и отрезать ему левое ухо, и посадить его в тюрьму на два года, а животы его отдать исцом в выть...». Исходя из трактовки терминов Уложения, под «вытью» понимался участок, пай, единица обложения; «животы» означало имущество. Как видно, уже за первую кражу предусматривалась конфискация имущества как дополнительный вид наказания.

В соответствии со статьей 11 Уложения, аналогичное наказание устанавливалось за мошенничество: «Да и мошенником чинить тот же указ, что указано чинить татем за первую татьбу».

Статья 16, устанавливавшая ответственность за разбой, гласила: «...у розбойника за первой розбой после пытки отрезать правое ухо да в тюрьме сидеть три годы, а животы его отдать в выть исцом...».

Статья 17, в частности, закрепляла следующее: «А будет розбойник повинится в дву розбоях, а убийства хотя и не учинил, и его за другой розбой казнить смертью, а животы его отдать в выть исцом».

Исходя из содержания анализируемых уголовно-правовых норм, можно констатировать, что имущество осужденного шло в возмещение заявленного потерпевшим от преступления иска. При этом конфискация имущества выступала как сопутствующая основному наказанию санкция имущественного характера. При этом нормы Соборного уложения 1649 г. предусматривали конфискацию имущества в качестве вида наказания не только за имущественные преступления и убийство, но и за должностные противоправные деяния, что свидетельствовало об усилении борьбы с коррупцией в органах власти.

Что касается закрепления конфискации имущества в санкциях норм об ответственности за преступления против собственности (кража, мошенничество, разбой), то данная уголовно-правовая политика законодателя видится продолжением традиционного подхода к наказуемости имущественных преступлений, корни которого восходят к принципу «око за око»: за совершение имущественных преступлений (например, хищений) предусматривались имущественные же наказания (в частности, конфискация имущества).

В эпоху Петра I и его ближайших преемников уголовные наказания как «государственное принуждение к страданию» применялись по еще действовавшему в начале XVIII в. Соборному уложению 1649 г., по Артикулу воинскому 1715 г. с кратким толкованием и Краткому изображению процессов или судебных тяжб 1715 г.

Из уголовно-правовых документов петровского времени необходимо выделить Артикул воинский 1715 г. В нормах названного законодательного акта конфискация имущества закреплялась и как основное, и как дополнительное наказание, присоединявшееся к наиболее тяжким основным наказаниям, таким, например, как шельмование. Она была либо общей и именовалась «лишением пожитков», либо специальной, ограничиваясь изъятием части имущества.

Указание на применение конфискации имущества наблюдается в сравнительно немногих случаях, однако это не свидетельствует о незначительном распространении наказаний подобного рода, т.к. наряду с Воинским уставом продолжало действовать Уложение 1649 г., где имущественные наказания были представлены в большом объеме.

Артикул значительно расширил сферу применения конфискации имущества, предусматривая данный вид имущественных санкций за преступления, представляющие, по мнению законодателя, повышенную общественную опасность. Так, в артикуле 5 Главы первой, содержащей нормы, предусматривавшие ответственность за преступления против веры, говорилось, что лица, причастные к «богохулению», в том числе и те, кто «услышав таковое хуление... благовременно извету не подаст», лишались «живота или своих пожитков». Отсутствие официального толкования приведенной нормы позволяет предположить, что виновный мог быть подвергнут либо смертной казни, либо конфискации имущества, на что указывает альтернативный союз «или», а не императивный «и».

Назначалась конфискация имущества и за политические преступления. Например, согласно артикулу 19, входящему в Главу третью – «о команде, предпочтении и почитании высших и нижних офицеров, и о послушании рядовых», при выявлении признаков вооруженного мятежа против императора виновные подлежали четвертованию, а их «пожитки забраны должны быть» [30].

Итак, в петровский период конфискация имущества как дополнительный вид наказания устанавливалась за некоторые из самых опасных посягательств, такие как преступления против веры и политические (государственные). Таким образом, государство использовало довольно значительный карательный потенциал данного вида уголовно-имущественных санкций для борьбы с наиболее опасными посягательствами.

Развитие правовых отраслей Российской Империи в XIX в. повлияло и на уголовно-правовую политику законодателя. Согласно Своду законов Российской империи 1832 г. уголовное право впервые становится самостоятельной отраслью права, именованной «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» с применением соответствующей кодификации в томе XV.

Виды наказания перечислялись в статье 17, при этом каждый вид предусматривал «лишение всех прав состояния». В статье 22 приводилось толкование данной санкции: речь шла о потере «доброе имени», преимуществ, почетных титулов, патентов и так далее, в том числе – имущественных привилегий. Непосредственно же о конфискации имущества речь шла в статье 63, где указывалось, что в случае несостоятельности виновного, из его имущества сначала покрывается вознаграждение за вред или убыток, и исполняются все бесспорные к виновному требования, а денежное взыскание обращается лишь на остаток имущества [63]. В то же время, конфискация по Уложению как самостоятельный вид наказания не предусматривалась, и применялась как дополнительная санкция имущественного характера, имевшая целью понизить социальный статус осужденного.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных редакции 1845 г. появляется такой вид конфискации, как изъятие орудий и средств преступления. Данный вид конфискации распространялся как на указанные виды имущества, так и на вещи, предметы и ценности, которые были получены в результате преступной деятельности. Все отчуждаемые предметы по Уложению сводились к трем следующим группам:

- 1) предметы, свободный оборот которых запрещен;
- 2) предметы, которые служили оружием совершения преступления;
- 3) предметы, добытые посредством преступления [63].

В 1903 г. происходит отмена конфискации имущества в любом виде. Как пишет М.А. Исаев, по Уложению 1903 г. «в случае осуждения лица законодатель вводил в действие фикцию гражданской смерти осужденного, и таким образом наследство автоматически переходило к его наследникам» [38, с. 375]. Это правило содержалось в статье 12 Закона о состояниях Т. IX Свода законов: «имущество лица, лишенного всех прав состояния, переходит к его законным наследникам по правилам, в законах гражданских и уголовных изложенным».

С приходом Советской власти произошел полный слом существующей уголовно-правовой системы Российской империи. При этом молодое советское правительство практически с первых дней своего существования стало активно использовать институт конфискации в политических целях, подвергая имущественные права граждан полному отрицанию. «Применяя эту меру, – писал П.Х. Мишунин, – органы социалистического правосудия прежде всего лишали классовых противников Советской власти имущества, награбленного за счет эксплуатации трудящихся» [44, с. 41].

Большое политическое значение конфискации придавал и В.И. Ленин, прямо говоря о том, что «особо упорные и неповинующиеся капиталисты» будут наказываться «конфискацией всего имущества и тюрьмой». В то же время, лидер большевиков отмечал, что «одной конфискацией ничего не сделаешь... конфискацию мы заменим взиманием справедливого налога» [40, с. 308].

Первые нормативные акты, регулирующие вопросы конфискации имущества, были изданы уже в 1917 г., вскоре после октябрьской революции.

Например, Декретом СНК от 27 октября 1917 г «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле» городское самоуправление наделялось правом конфисковывать в свою пользу частные помещения; продукты, предметы, аппараты, орудия, транспортные средства, принадлежащие частным лицам. Как следовало из положений декрета, данная мера вводилась в целях организации общественного питания [25].

В качестве уголовно-правовой меры о конфискации имущества говорится, в частности, в инструкции Народного комиссариата юстиции от 19 декабря 1917 года «О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний». Так, за деяния, направленные против рабоче-крестьянского правительства (саботаж, невыполнение распоряжений, злоупотребление властью, уничтожение государственного имущества и других), наряду с лишением свободы, штрафами,

объявлением врагом народа и некоторыми другими видами наказаний, предусматривалась полная или частичная конфискация имущества, принадлежащего виновному [26].

Практика конфискации имущества у политических врагов была продолжена Декретом от 9 мая 1918 года «О предоставлении Народному Комиссариату Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». Согласно положениям Декрета, объявлялись врагами народа лица, имеющие излишек хлеба и не вывозящие его на ссыпные пункты, а также расточающие хлебные запасы. Такие лица подвергались крайне суровому наказанию в виде лишения свободы на срок не менее десяти лет и последующего изгнания из общины. Кроме этого, имущество виновных подлежало полной конфискации [23].

Разрозненность множащихся нормативных актов, устанавливающих уголовные наказания, привела к осознанию правительством необходимости проведения кодификации правовых актов, содержащих нормы уголовного права. Первым таким источником стали «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», принятые Постановлением НКЮ 12 декабря 1919 года. В разделе VI, содержащем примерные виды наказания, пунктом «и» предусматривалась конфискация всего или части имущества. В то же время, основания и условия применения конфискации, а также определение данного термина законодателем не приводились. При этом следует учесть, что Руководящие начала имели ярко выраженный классовый характер. Во введении указывалось, что уголовное право имеет своей задачей борьбу с классовыми врагами и нарушителями новых условий общежития [55]. Поэтому очевидно, что конфискация имущества предусматривалась, прежде всего, для лиц, враждебных к советскому строю. В то же время, в Декрете СНК от 16 апреля 1920 г. «О реквизициях и конфискации» запрещалось производить конфискацию вещей домашнего обихода и предметов профессии и производства [24].

С 1 июня 1922 года на территории РСФСР был введен в действие Уголовный кодекс РСФСР. В разделе IV «Роды и виды наказаний и других мер социальной защиты» в пункте «д» ст. 30 значилась «конфискация имущества – полная или частичная». Из 200 статей кодекса 55 предусматривали данную меру, причем большинство из этих уголовных норм устанавливали ответственность за контрреволюционные преступления; преступления против порядка управления, хозяйственные и воинские преступные деяния. Конфискация имущества, в силу статьи 50 УК, могла назначаться как в качестве основного, так и дополнительного наказания. Впоследствии новым Уголовным кодексом 1926 г. конфискация была переведена в разряд только дополнительного наказания.

В послевоенный период намечается тенденция применения конфискации имущества только за преступления, посягающие на нормальную деятельность государства и органов государственной власти. Например, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1957 г. конфискация имущества как дополнительное наказание была отменена за воинские преступления. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятые

25 декабря 1958 г. Верховным Советом СССР, в статье 30 рассматривали конфискацию имущества, во-первых, исключительно как дополнительное наказание; во-вторых, только за государственные и тяжкие корыстные преступления. Определение конфискации не претерпело серьезных изменений и было сформулировано как «принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося личной собственностью осужденного».

УК РСФСР 1960 года разграничил виды конфискации, применяемые к осужденному, на три группы. Предусматривалась, во-первых, полная конфискация, заключающаяся в изъятии всего имущества, принадлежащего осужденному; во-вторых, частичная конфискация, предусматривающая изъятие определенной в приговоре части имущества; в-третьих, конфискация конкретных предметов, орудий или средств совершения преступления [22].

Наконец, Уголовный кодекс Российской Федерации первоначально содержал нормы о конфискации имущества в конкретных санкциях, предусмотренных статьями уголовного закона. Конфискация была отнесена к видам наказаний, не связанным с лишением свободы. Предусматривалась как частичная, так и полная конфискация имущества, при этом ряд санкций УК РФ предусматривал конфискацию имущества в качестве обязательной меры.

Однако в 2003 г. Федеральным законом № 162 конфискация имущества была исключена из перечня видов наказаний. Также были изъяты все упоминания о конфискации имущества как уголовно-правовой санкции из Особенной части УК РФ. Вместо конфискации вводились штрафы размером до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до пяти лет. Также имущественные санкции в виде дополнительного наказания становились альтернативными, на что указывало словосочетание «либо без такового».

Например, Федеральным законом № 162 предписывалось в статье 164 в части первой слова «с конфискацией имущества или без таковой» заменить словами «со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового» [8].

В пояснительной записке к законопроекту говорилось о том, что конфискация как вид наказания неэффективен. Е.А. Пащенко по этому поводу отмечает, что потребность в изменении содержания такого вида наказания, как конфискация имущества, назрела еще до 2003 г. Замечания, однако, касались имущественных посягательств государства на весь принадлежащий виновному имущественный объем без дифференциации на источник его происхождения. По этой причине группа ученых обращалась к Президенту РФ с предложением отклонить законопроект об исключении конфискации имущества из перечня уголовных наказаний, но внести необходимые изменения в перечень конфискуемого имущества. Предложение не было услышано, и в противовес ему было принято решение, облаченное в № 173–ФЗ от 08 декабря 2003 года [49, с. 81].

Тем не менее, в 2006 г. институт уголовно-правовой конфискации имущества был вновь введен в УК РФ, но уже в качестве иной меры уголовно-правового

характера, помещенной в раздел VI УК РФ. В этот раз законодатель отказался от введения конфискации в санкции конкретных норм УК РФ, ограничившись указанием деяний, совершение которых влечет конфискацию денег, ценностей и иного имущества, полученного в результате преступной деятельности, в части первой статьи 104.1 УК РФ.

Подводя итоги параграфа, можно сделать вывод о том, что в России конфискация имущества активно применялась с момента образования Древнерусского государства. С течением времени и в зависимости от общественно-политической ситуации в России отношение высших правителей к необходимости конфискации имущества виновного менялось от полного запрета до повсеместного, зачастую крайне необоснованного, применения.

В целом, институт конфискации имущества в силу комплексности и неоднозначности до настоящего времени вызывает многочисленные научные дискуссии, о чем более подробно будет сказано в следующем разделе настоящего исследования.

1.2 Понятие и признаки конфискации имущества с позиции нормативно-правового аспекта уголовного права

Впервые официальные дефиниции уголовно-правовой конфискации имущества появились в начале XX века в период установления советской власти. Анализ нормативных актов Советского правительства показывает, что первое определение конфискации имущества в советском уголовном праве было приведено в Декрете СНК от 16 апреля 1920 г. «О реквизициях и конфискации». В статье 3 Декрета было установлено, что конфискацией считается «безвозмездное принудительное отчуждение государством имущества, находящегося в обладании частных лиц и обществ». В статье 8 закреплялось, что конфискованное имущество переходит в распоряжение государства [24].

Более расширенная формулировка содержалась в первом кодифицированном источнике советского уголовного права – Уголовном кодексе РСФСР 1922 года. В статье 38 закреплялось, что конфискация имущества состоит «в принудительном безвозмездном отчуждении в пользу государства всего или точно определенного судом имущества, осужденного». Здесь же делалась оговорка о том, что определенные виды имущества конфискации не подлежат. Речь шла о предметах домашнего обихода, мелкого инвентаря, инструментов, необходимых для зарабатывания на жизнь, а также продуктов питания. В то же время, поскольку УК РСФСР предусматривал такой вид наказания, как «лишение права заниматься соответствующей профессией», суд был вправе вынести постановление и о конфискации предметов и инструментов, предназначенных для осуществления профессиональной деятельности. Практически неизменной осталась рассматриваемая дефиниция и в УК РСФСР 1926 г. В то же время, законодатель внес ряд уточнений по поводу применения данной меры.

Во-первых, было определено, что конфискации может подлежать имущество осужденного, находящееся в долевой, а не только в личной собственности.

Во-вторых, УК РСФСР 1926 г. предусмотрел, что в распоряжении осужденного и членов его семьи могут оставаться не только продукты питания, но и денежные суммы. При этом устанавливалась нижняя граница для оставляемых в распоряжении денежных средств: они не могли быть меньше «среднего трехмесячного заработка рабочего данной местности на каждого члена семьи».

В-третьих, впервые в советском праве конфискованному имуществу придавался статус источника удовлетворения претензий имущественного характера, поступивших к осужденному. Устанавливалась определенная очередность погашения задолженностей, возникших у осужденного:

- в первую очередь возмещались невыплаченная заработная плата, алименты и социальные страховые выплаты;
- во вторую очередь покрывались недоимки по налогам и сборам;
- в третью очередь подлежали возмещению иски иных государственных органов;
- в четвертую очередь – все остальные имущественные претензии.

Как видно, в УК РСФСР 1926 г. институт конфискации получил существенное развитие. Следует отметить, что формулировка, предложенная УК РСФСР 1926 г., а также условия применения данного института, оказалась, по мнению законодателя, весьма удачной, о чем свидетельствует тот факт, что на протяжении практически всего советского периода она не претерпела существенных изменений.

Так, в статье 35 УК РСФСР 1960 г. приводится практически идентичное определение конфискации имущества: это «принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося личной собственностью осужденного».

Итак, уголовное законодательство советского периода рассматривало имущество, подлежащее конфискации, в первую очередь, как личное имущество, находящееся в пользовании осужденного. При этом не придавалось значения, являлось ли это имущество нажитым преступным путем, либо изначально принадлежало осужденному.

Важным признаком государственного принуждения является применение от имени государства в лице уполномоченных государственных органов. В Российской Федерации создана комплексная система правоохранительных органов, наделенных полномочиями по применению принудительных государственных мер, к которым относятся МВД России, ФСБ России, Росгвардия, Следственный комитет России, Федеральная служба судебных приставов, Федеральная служба исполнения наказаний и ряд других.

Сотрудники данных органов во взаимодействии реализуют государственную политику по применению мер государственного принуждения, в том числе – уголовно-правовых мер.

Э.А. Сатина считает, что государственное принуждение представляет собой жесткое средство социального воздействия, направленное на достижение целей государственной воли, которые, в свою очередь, состоят в защите общества и государства в целом, и его отдельных индивидуумов – в частности. Данное

воздействие опирается на силовую составляющую государственного аппарата в лице правоохранительных органов и иных государственных органов, уполномоченных применять принудительные меры к субъектам принуждения [58, с. 72].

З.Г. Маслова, в свою очередь, пишет о том, что применение принуждения возможно только к тем субъектам, которые не желают сознательно и добровольно согласовывать свое поведение с требованиями правовых норм [43, с. 120]. Данное утверждение представляется не вполне корректным, поскольку такая мера государственного принуждения, как конфискация имущества, применяется к субъектам в виде правовых последствий, наступивших от уже совершенных противоправных действий.

Все имущество, подлежащее конфискации в уголовно-правовом порядке, было подразделено на четыре группы:

- 1) деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершения конкретных преступных деяний (в числе которых квалифицированные виды убийства; квалифицированные виды причинения тяжкого вреда здоровью; невыплата заработной платы, совершенная из корыстных побуждений; преступления в сфере незаконного оборота оружия и наркотических средств и множество других);
- 2) доходы от денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступных деяний, перечисленных в п. «а» статьи 104.1 УК РФ, в том числе – преобразованные или превращенные;
- 3) деньги, ценности и иное имущество, используемые для финансирования отдельных видов преступлений, к которым законодатель отнес экстремизм, терроризм, а также групповых преступлений в таких предусмотренных УК РФ формах, как организованная группа; незаконное вооруженное формирование; преступное сообщество (преступная организация);
- 4) орудий и оборудования, используемых при совершении преступления, и принадлежащих обвиняемому.

В то же время, анализ статьи 104.2 УК РФ позволяет утверждать, что в определенных случаях конфискация допускается и в отношении имущества обвиняемого, не относящегося к разряду полученного преступным путем.

Так, в части первой статьи 104.2 УК РФ говорится о том, что в случае невозможности конфискации определенного предмета, входящего в состав имущества, подлежащего отчуждению, то в этом случае производится конфискация денежной суммы, эквивалентной стоимости данного предмета.

В части второй анализируемой нормы, в свою очередь, закрепляется право конфисковать иное имущество, стоимость которого соответствует стоимости имущества, подлежащего конфискации. Очевидно, что речь идет об имуществе, не имеющем отношения к преступной деятельности, то есть о личном имуществе обвиняемого. Однако прямого указания на данное обстоятельство в УК РФ не содержится, что, как представляется, является пробелом института конфискации имущества.

Кроме этого, обращает на себя внимание отсутствие в перечне преступлений,

совершение которых влечет конфискацию имущества, таких преступных деяний, как кража и все виды мошенничества, несомненно, наносящие огромный материальный ущерб потерпевшим, в том числе – государству. В этом случае логика законодателя не вполне понятна.

Итак, по действующему законодательству конфискация имущества представляет собой принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства имущества, наличие которого у осужденного связано с его преступной деятельностью. Из данного определения можно выделить следующие признаки конфискации:

- 1) производится в принудительном порядке;
- 2) совершается безвозмездно;
- 3) имущество обращается в собственность государства;
- 4) конфискация производится на основании приговора суда.

1.3 Содержание конфискации имущества с позиции правового и доктринального аспектов

Значительно изменился подход к институту конфискации имущества у российского законодателя с момента повторного введения норм о конфискации в 2006 г.

Во-первых, данная мера была исключена из перечня видов уголовных наказаний, перейдя в разряд «иных мер уголовно-правового характера». По этому поводу до настоящего времени не прекращаются научные дискуссии, зачастую имеющие противоположную направленность.

Например, по мнению М.Д. Давитадзе, лишение института конфискации имущества статуса наказания, включенного в перечень уголовно-правовых санкций, предусмотренных статьей 44 УК РФ, имело под собой коррупционную основу и было лоббировано заинтересованными лицами. В качестве обоснования своей теории М.Д. Давитадзе предлагает ознакомиться с первоначальной редакцией ст. 104.1 УК РФ, которая предусматривала конфискацию имущества при совершении значительного количества должностных преступлений [35, с. 36].

В свою очередь, О.А. Буркина пишет, что исключение конфискации имущества из перечня наказаний негативно повлияло на уровень преступности и правосознание граждан, поскольку большинство граждан главной целью конфискации имущества считают восстановление социальной справедливости в виде отъема у виновного имущества, нажитого преступным путем [33, с. 119].

Разделяет высказанное мнение и Р.В. Федоров, говоря, что социальная справедливость заключается в том, что преступник должен лишиться всего незаконно присвоенного [64, с. 44]. В то же время, как представляется, не менее важной задачей является восстановление имущественного состояния публичных интересов, которым преступлением был причинен конкретный материальный ущерб.

В то же время, ряд видных отечественных ученых считают, что перевод конфискации имущества из вида наказания в статус мер уголовно-правового

воздействия вполне оправдан. Так, В.Н. Кудрявцев и Н.Ф. Кузнецова, основываясь на международно-правовых актах, одними из первых в научных кругах предложили произвести модификацию рассматриваемой меры посредством перенесения ее в раздел VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера», где также, по мнению ученых, должны содержаться такие институты, как «реституция» и «взнос в фонд лиц, пострадавших от преступлений» [54, с. 122].

С.А. Алтухов, в свою очередь, считает, что необходим возврат данного вида наказания в Уголовный кодекс РФ, при этом требуется установить абсолютно определенные санкции за коррупционные преступления, предусматривающие точный вид и размер дополнительного безальтернативного наказания (штрафа). В преступлениях коррупционной направленности с причинением особо крупного размера предусмотреть в качестве обязательного наказания в виде конфискации имущества [28, с. 40].

С подобными предложениями выступают не только ученые, но и политики, а также руководители силовых структур. Так, партия «Справедливая Россия» еще весной 2013 года внесла законопроект, предлагающий вернуть в уголовное законодательство конфискацию имущества у лиц, признанных виновными в получении взятки. В свою очередь, глава следственного комитета А. Бастрыкин также выступает за возвращение конфискации имущества, ибо все усилия по борьбе с подобными правонарушениями не будут иметь смысла, поскольку «наворованное остается у преступника».

Таким образом, видно, что содержание конфискации имущества с одной стороны – это наказание, так как лишает преступника денег, ценностей, недвижимости, иного имущества, полученного в результате преступной деятельности. С другой стороны, конфискация имущества предстает инструментом возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением. Поэтому в целом данный институт уместнее отнести к иным мерам уголовно-правового характера. Во-вторых, законодатель, формулируя дефиницию конфискации имущества в статье 104.1 УК РФ, отказался от прямого указания на личную принадлежность имущества осужденному.

Принудительный порядок означает, что имущество отчуждается против воли владельца. При этом принуждение осуществляется государством в лице его уполномоченных органов и должностных лиц.

В качестве примера можно рассмотреть этапы от привлечения к уголовной ответственности до конфискации имущества. При возбуждении уголовного дела за совершение преступления, по которому возможно применение конфискации имущества, лицо задерживается и помещается под стражу в качестве меры пресечения. Эта же мера выступает и мерой принуждения, направленной на обеспечение производства по уголовному делу. Задержание производится сотрудниками полиции (МВД России), содержание под стражей – сотрудниками ФСИН Минюста России. После вынесения приговора осужденный убывает в исправительное учреждение, при этом по приговору суда в качестве иной меры государственного принуждения может быть назначена конфискация имущества,

которая исполняется сотрудниками Федеральной службы судебных приставов.

Так реализуется процесс государственного принуждения в сфере уголовно-правовых отношений, в котором задействованы представители различных органов государственной власти.

Безвозмездность и обращение в собственность государства как признаки конфискации означают, что имущество отчуждается, во-первых, безвозвратно; во-вторых, компенсация за отчуждение имущества бывшему собственнику не выплачивается; в-третьих, доход от конфискации имущества обращается в собственность государства, то есть в федеральный бюджет.

В то же время, в судебной практике имеются примеры отмены судом вышестоящей инстанции принудительной меры в виде конфискации имущества. Так, по одному из дел приговором суда подсудимому Б. определено наказание в виде лишения свободы на срок 12 лет с конфискацией имущества. Однако кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда приговор изменен – исключено указание о конфискации имущества, окончательное наказание снижено до 9 лет лишения свободы [73].

Очевидно, что в таких случаях конфискация вообще не производится, следовательно, отсутствуют и ее необходимые признаки.

Осуществление конфискации по приговору суда означает, что в соответствии с частью 1 статьи 49 Конституции РФ только суд может признать человека виновным в совершении преступления и вынести ему меру наказания, а также назначить иные меры принудительного характера, в том числе – конфискацию имущества. Как разъясняет Верховный Суд РФ в постановлении от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре», под приговором следует понимать решение суда по уголовному делу, в котором суд признает подсудимого виновным либо невиновным, а также назначает ему наказание, либо освобождает от наказания. Особое внимание Верховный Суд обращает на законность и обоснованность выносимых судебных решений, а также на конституционное положение о том, что каждый обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в судебном заседании [17]. В случае незаконности судебного приговора он подлежит отмене.

Так, по одному из дел суд установил, что К., будучи должностным лицом, и действуя с прямым умыслом, во исполнение заранее достигнутой договоренности, получил лично взятку в виде денег за подписание в рамках реализации своих служебных полномочий документов, содержащих не соответствующие действительности сведения об объемах и стоимости произведенных строительных работ, то есть за совершение им заведомо незаконных действий.

Суд указал, что в соответствии со статьями 104.1, 104.2 УК РФ к К. должна быть применена конфискация имущества в виде взыскания денежной суммы, соответствующей размеру полученной им взятки. Согласно приговору суда, К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК, и ему было назначено ему наказание в виде штрафа в размере двух миллионов рублей. На основании статей 104.1, 104.2 УК РФ, в порядке

конфискации имущества суд постановил взыскать с К. в собственность государства деньги в сумме 950 000 рублей, соответствующей размеру полученной им взятки [66].

Выводы по разделу 1

По итогам главы представляется возможным сделать вывод о том, что конфискация имущества, согласно действующему УК РФ, отнесена к принудительным мерам уголовно-правового характера, и не является видом наказания. Признаки конфискации имущества содержатся в самом законодательном определении, при этом пробелом легальной дефиниции, содержащейся в статье 104.1 УК РФ, следует признать отсутствие правовых характеристик принудительности и безвозмездности.

В России конфискация имущества активно применялась законодателем во все периоды исторического развития. Если Русская Правда предусматривала «разграбление» имущества виновного в качестве санкции только за совершение убийства, то все последующие кодифицированные акты уголовного права неуклонно расширяли степень применения данной имущественной меры принуждения.

В период становления Советской власти конфискация имущества выступала в качестве инструмента политических репрессий и классовой борьбы. Впоследствии прослеживается как определенная гуманизация данного уголовно-правового института, вплоть до полной отмены, так и его ужесточение.

Сегодня в правоприменительной практике существует ряд актуальных проблем, возникающих при решении таких вопросов, как обязательность конфискации имущества; обоснованность отнесения отдельных видов преступлений к перечню деяний, при совершении которых возможно назначение конфискации имущества; виды имущества, на которое может быть обращено взыскание и ряд других проблем, анализу которых будет посвящена вторая глава настоящего исследования.

2 УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА

2.1 Анализ преступных деяний, совершение которых влечет конфискацию имущества

Перечень преступлений, за совершение которых может быть назначена конфискация имущества, перечислен в статье 104.1 УК РФ. При этом обращает на себя внимание ряд проблемных моментов, возникающих при анализе составов преступных деяний, приведенных в вышеуказанной норме.

Во-первых, отсутствие четких критериев группировки преступлений, совершение которых влечет конфискацию имущества. Анализ деяний, содержащихся в статье 104.1 УК РФ, позволяет выделить следующие виды преступлений:

- 1) преступления против жизни и здоровья: квалифицированные виды убийства; квалифицированные виды причинения тяжкого вреда здоровью;
- 2) преступления против свободы, чести и достоинства личности: квалифицированный состав похищения человека; торговля людьми; использование рабского труда;
- 3) преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, в состав которых вошли такие деяния, как воспрепятствование осуществлению избирательных прав; нарушение порядка финансирования при проведении избирательной кампании; подделка подписей избирателей; невыплата заработной платы, пенсий и стипендий; нарушение авторских и патентных прав;
- 4) преступления против семьи и несовершеннолетних: подмена ребенка; преступления, связанные с незаконным усыновлением или разглашением тайны усыновления;
- 5) ряд преступлений в сфере экономической деятельности;
- 6) отдельные составы преступлений против службы в коммерческих и иных организациях;
- 7) значительное число преступлений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность;
- 8) преступления против здоровья и общественной нравственности;
- 9) отдельные виды экономических преступлений;
- 10) практически все виды преступлений, посягающих на государственную власть;
- 11) некоторые составы преступлений против правосудия;
- 12) отдельные виды преступлений против порядка управления;
- 13) три состава преступления, посягающие на мир и безопасность человечества;
- 14) преступления в сфере таможенных правоотношений;
- 15) преступления, связанные с финансированием террористической или экстремистской деятельности, а также деятельность по финансированию организованных преступных групп.

В целом, можно выделить четыре группы оснований для конфискации имущества:

- 1) совершение одного из преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, и перечисленных в пункте «а» части первой статьи 104.1 УК РФ;
- 2) совершение отдельных видов преступлений, предусматривающих незаконное перемещение предметов через таможенную границу Таможенного союза;
- 3) финансирование террористической или экстремистской деятельности, а также организованных преступных групп;
- 4) любых доходов, полученных в результате преступной деятельности.

Как видно, законодателем предусмотрен значительный массив преступных деяний, совершение которых может повлечь применение конфискации имущества, а также иных правовых оснований. В то же время, налицо отсутствие логики и оснований для выделения отдельных видов преступлений, включенных законодателем в этот перечень.

В частности, многие исследователи обращают внимание на то, что в данном перечне отсутствуют преступления, предусмотренные статьями 158 УК РФ (кража); 159 УК РФ (мошенничество); 159.1–159.6 (отдельные виды мошенничества) и множество других преступлений, причиняющий материальный ущерб гражданам, организациям и государству.

Например, С.Я. Бойко, анализируя ответственность за мошенничество по уголовному законодательству стран ближнего зарубежья, пишет о том, что конфискация как мера наказания и как принудительная мера уголовно-правового характера предусмотрена уголовными кодексами таких стран, как Украина, Беларусь, Латвия, Армения, Киргизия, Казахстан и Туркменистан. Назначение конфискации имущества за мошенничество в вышеуказанных государствах обусловлено отнесением данного преступного деяния к посягательствам на собственность и чужое имущество, что, по мнению зарубежного законодателя, выступает безусловным основанием для применения имущественных санкций в виде конфискации имущества осужденного [32, с. 55].

Р.А. Базаров также высказывает недоумение тем, что конфискация имущества, всегда считавшаяся одним из важных сдерживающих факторов в деле противодействия преступности, превосходящим порой по превентивной эффективности даже лишение свободы, не предусмотрена для таких преступлений, как кража, мошенничество, присвоение или растрата, грабеж, разбой. Такая позиция законодателя, пишет Р.А. Базаров, не поддается логическому объяснению [31, с. 37].

Т.Н. Островская также справедливо пишет, что деяния, за которые возможно применение конфискации имущества, не в полной мере отвечают требованиям восстановления социальной справедливости и целям уголовно-правового воздействия. Также имеет место несогласованность положений УК РФ, УПК РФ и УИК РФ, в результате чего судебная практика по применению конфискации достаточно противоречива [48, с. 108].

По данному поводу также следует отметить, что в научных статьях, в выступлениях на конференциях, в средствах массовой информации неоднократно высказывалось мнение, что исключение из УК РФ отдельных видов преступлений, по которым возможно назначить конфискацию имущества, «на

руку» представителям криминальной части общества, имеющей влияние на законодателя.

Ряд вопросов возникает при выяснении вопроса о том, чем руководствовался законодатель, отнеся к основаниям для применения конфискации совершение только квалифицированного вида убийства, тогда как совершение «простого» убийства не является деянием, предусматривающим применение конфискации.

Очевидно, что квалифицированные виды убийств несут повышенную общественную опасность. В эту группу входят убийства, совершенные в отношении двух и более лиц; малолетних и беспомощных; беременных женщин; сопряженные с иными тяжкими преступлениями и другие особо опасные деяния, причиняющие смерть человеку.

В то же время, в России убийство даже без отягчающих обстоятельств традиционно считалось одним из наиболее тяжких преступлений. Вся история уголовной ответственности за данное деяние показывает, что законодатель последовательно повышал степень ответственности за умышленное причинение смерти другому человеку. Большинство нормативно-правовых актов России, устанавливая ответственность за убийство, предусматривали высшую меру наказания. Редкие периоды гуманизации уголовно-правовой политики в отношении убийства сменялись еще более жестокими мерами уголовных репрессий.

Сегодня ответственность за убийство наступает уже с минимального возраста привлечения лица к уголовной ответственности – с 14 лет. Несмотря на то, что убийство, ответственность за которое наступает по ч. 1 ст. 105 УК РФ, традиционно именуется «простым», что связано с тем, что в его составе отсутствуют как признаки, отягчающие уголовную ответственность (ч. 2 ст. 105 УК РФ), так и специальный субъект преступления, общественная опасность данного деяния является крайне высокой, поскольку результатом убийства становится смерть человека.

Анализ судебной практики показывает, что суды выносят решение о конфискации имущества и в случае совершения покушения на квалифицированное убийство. Так, К. организовал приготовление к убийству П. по найму, из-за личных неприязненных отношений, вследствие осуществления ими предпринимательской деятельности. К., реализуя преступный умысел, обратился к знакомому Н. с предложением за денежное вознаграждение в размере 250 000 рублей убить П., на что получил согласие.

Однако убийство П. по найму, организованное К., не было совершено по независящим от его воли обстоятельствам, поскольку Н. добровольно отказался от совершения противоправного деяния и обратился с заявлением о готовящемся преступлении в правоохранительные органы. Впоследствии К. предоставил Н. информацию необходимую для совершения убийства, а именно: место жительства П., используемый им автотранспорт, распорядок дня, маршрут движения, сведения о лицах из числа его родственников и ближайшего окружения.

Суд указал, что роль К. как организатора преступления состояла в том, что он

наметил жертву посягательства, подыскал исполнителя преступления, передал ему необходимую информацию о личности потерпевшего, о его окружении, определил способы и сроки лишения П. жизни, установил размер вознаграждения исполнителю, посреднику и фактически оплатил подготавливаемое убийство. При этом преступный умысел не был доведен до конца по независящим от подсудимого обстоятельствам.

По итогам рассмотрения дела К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30 – п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок восемь лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима, с конфискацией денежных средств, переданных исполнителю предполагаемого убийства, в размере 250 000 рублей [74].

Также не включены в перечень рассматриваемых преступлений такие виды убийств, как посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких (статья 317 УК РФ), несмотря на то, что оно входит в состав преступлений против порядка управления, тогда как совершение посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (статья 277 УК РФ) является основанием для конфискации имущества.

Следует отметить, что среди всех преступлений, посягающих на жизнь, законодатель отдельно выделяет преступные деяния, направленные на причинение смерти особо охраняемым законом лицам, к которым относятся, не только государственные или общественные деятели, но и сотрудники правоохранительных органов. Особая защита этих лиц обусловлена их важной ролью для нормальной деятельности государства и поддержания конституционного строя Российской Федерации.

Представляется возможным предположить, что такая позиция законодателя обусловлена отнесением преступления, предусмотренного статьей 277 УК РФ, к преступным деяниям террористической направленности. В то же время, согласно имеющимся разъяснениям Верховного Суда РФ, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля может быть квалифицировано и как террористический акт, предусмотренный статьей 205 УК РФ, так и преступление, ответственность за которое наступает по статье 277 УК РФ – то есть, за непосредственное посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля.

При этом разграничение должно производиться по направленности умысла и цели. В частности, как террористический акт деяние квалифицируется в случае взрыва, поджога или иных действий подобного характера, в ходе которых одновременно происходит посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля в целях дестабилизации деятельности органов власти. Тогда как по статье 277 УК РФ деяние будет квалифицироваться в целях прекращения политической или общественной деятельности потерпевших, либо из мести за такую деятельность [18].

Данные разъяснения, несомненно, имеют большое значение для выявления субъективных признаков рассматриваемых деяний и разграничения с иными

видами посягательств на жизнь. В то же время, перечень лиц, относимых к государственным или общественным деятелям, законодательно не утвержден, что создает объективные трудности для квалификации рассматриваемых преступных деяний, в том числе – при решении вопроса о применении конфискации имущества за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля.

Перечень лиц, относимых к государственным или общественным деятелям, законодательно не утвержден. В этой связи необходимо иметь четкое понимание о том, по каким признакам лицо можно отнести к категории государственного или общественного деятеля.

Следует отметить, что данные понятия в Уголовном кодексе РФ и других актах федерального законодательства не раскрываются, что, несомненно, является пробелом правоприменительной практики.

Заслуживающим внимания представляется подход С.А. Дробота, согласно которому к государственным деятелям относятся руководители и другие лица, занимающие высшие должности в системе государственной власти федерального или регионального уровней. Их служебные функции носят выраженный политический характер. В свою очередь, общественным деятелем следует признавать лицо, которое активно занимается политической деятельностью вне зависимости от должностного положения, например, руководитель политической партии или общественного объединения [36, с. 23].

Схожую позицию занимает и П.В. Сеничева, которая предлагает к государственным деятелям относить лиц:

- 1) непосредственно указанных в Конституции РФ (Президент РФ, Правительство РФ, премьер-министр, депутаты Государственной Думы);
- 2) отнесенных Указом Президента РФ от 11.01.1995 г. № 32 к государственным должностям Российской Федерации (заместители председателя Правительства РФ; заместители министра, судьи Конституционного и Верховного судов, судьи федеральных судов, аудиторы Счетной палаты и так далее) [15];
- 3) занимающих государственные должности субъектов РФ, утвержденные Указом Президента «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации» (депутат законодательного (представительного) органа власти субъекта РФ, мировой судья и так далее).

В свою очередь, к общественным деятелям П.В. Сеничева относит лиц, деятельность которых связана с работой общественных образований, в том числе – политических партий, правозащитных организаций и движений и так далее [59, с. 55].

М.А. Набиев пишет, что к общественным деятелям могут быть отнесены широко известные, влиятельные в обществе представители средств массовой информации, культуры, науки, образования [45, с. 122].

В то же время, следует признать верной и позицию А.Ю. Решетникова, согласно которой неверной будет квалификация посягательства на жизнь, совершенная в отношении близких государственному или общественному деятелю лиц, совершенное в целях прекращения его политической деятельности.

Такое деяние заслуживает правовой оценки по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ [52, с. 29].

Соглашаясь с высказанными мнениями ученых, представляется необходимым указать на то, что большинство исследователей, формируя собственный перечень государственных и общественных деятелей, не относят к ним представителей местного самоуправления на уровне муниципальных образований, что видится ошибочным по следующим основаниям.

Во-первых, лица, замещающие муниципальные должности, являются низовым звеном государственного управления. Это та основа, на которой строится вертикаль государственной власти, поскольку муниципальные служащие исполняют свои должностные полномочия во исполнение и на основании федеральных законов РФ и законов субъектов РФ. Муниципальные служащие являются проводниками федеральной и региональной политики на местах, непосредственно претворяя в жизнь нормы права и законов.

Во-вторых, посягательство на муниципального служащего, так же, как и посягательство на жизнь государственного деятеля будет угрожать безопасности конституционных правоотношений, а значит – и безопасности государства. Нарушение нормального функционирования муниципальной власти влечет и сбой политической системы государства.

В то же время, поскольку местное самоуправление не относится к государственной власти, этот институт целесообразно признать общественным, а посягательство на муниципального служащего приравнять к посягательству на общественного деятеля.

Ряд исследователей предлагают к общественным деятелям относить такую категорию лиц, как журналисты, что представляется обоснованным. В 2010 году депутат Госдумы Б. Резник внес на рассмотрение законопроект, принятие которого позволило бы приравнять журналистов к общественным деятелям. Инициатор законопроекта, сам являющийся секретарем Союза журналистов России, пояснил, что нападения на журналистов стали обыденностью.

Также Б. Резник отметил, что журналисты, находясь на острие событий, зачастую подвергают свою жизнь смертельной опасности, выполняя служебный долг. «Именно в это и заключается их служение обществу, что, в свою очередь, требует усиления мер защиты и повышения общественного статуса журналистов», – констатировал депутат [37].

К сожалению, данный законопроект был отклонен и снят с рассмотрения, в связи с чем в настоящее время журналистов невозможно признать общественными деятелями.

Анализ судебной практики показывает, что суды достаточно редко применяют конфискацию имущества по делам о посягательствах на жизнь государственных и общественных деятелей. Так, Е. совершил приготовление к организации вооруженного мятежа с целью насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации и приготовление к посягательству на жизнь общественных деятелей с целью прекращения их политической деятельности. Также он был признан виновным в незаконном приобретении, перевозке,

передаче и хранении огнестрельного оружия, основных частей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, совершенных группой лиц по предварительному сговору и в организации подделки удостоверений с целью их использования, содеянной для облегчения совершения другого преступления.

В то же время суд, назначая наказание, приговорил Е. к лишению свободы на срок 12 лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима с последующим ограничением свободы на срок 2 года без штрафа и без конфискации имущества [74].

В целом, представляется, что такие виды преступлений, как часть первая статьи 105 УК РФ, статьи 317 и 357 УК РФ, статья 357 УК РФ должны быть внесены в перечень преступлений, за совершение которых предусмотрена конфискация имущества.

Ряд вопросов вызывает и отсутствие в перечне преступлений, за совершение которых возможно применение конфискации имущества, деяний, причиняющих легкий и средней тяжести вред здоровью, а также причинение тяжкого вреда здоровью без квалифицирующих признаков.

В частности, анализируя такое преступное деяние, как причинение легкого вреда здоровью, следует отметить, что, несмотря на сравнительно неопасные последствия от причинения данного вида насилия, вред от его совершения нельзя недооценивать.

Легкий вред здоровью характеризуется кратковременным расстройством здоровья, а также незначительной стойкой утратой общей трудоспособности. Как видно, несмотря на уменьшенную степень опасности от причинения такого вреда, потерпевший испытывает боль, лишается трудоспособности, претерпевает моральные страдания. Как справедливо пишет В.И. Гладких, причинение вреда здоровью любой степени тяжести характеризуется вредом здоровью, физической болью, психическим насилием [34, с. 181].

Например, по одному из дел, рассмотренных Пластским городским судом Челябинской области, было установлено, что подсудимый И., в ходе конфликта со своей знакомой Ч., на почве личных неприязненных отношений, нанес руками и ногами не менее 10 ударов по голове Ч., от которых последняя испытала сильную физическую боль. После чего И. взял в руки деревянный табурет, и умышленно кинул его в Ч., попав им в область ее затылка. Затем И. схватил Ч. за волосы, а второй рукой нанес не менее 5 ударов по лицу и голове Ч., от чего последняя упала. После этого И. наступил Ч. ногой на горло и с силой сдавил, высказывая при этом угрозы в адрес Ч. Также И., взяв в руки нож, нанес несколько порезов на руках Ч.

В результате умышленных преступных действий И. у Ч., согласно заключению эксперта, имели место множество телесных повреждений, в числе которых были ушибленная рана головы; кровоподтеки и ссадины по всему телу; сотрясение головного мозга; закрытый перелом лучевой кости, порезы и множество других. Тем не менее, данные повреждения вызвали, по мнению эксперта, лишь кратковременное расстройство здоровья, и были расценены как причинившие

легкий вред здоровью [71].

Из приведенного примера видно, что, несмотря на то, что потерпевшей был причинен «легкий» вред здоровью, фактически, в процессе нанесения множества ударов, в наличии был огромный риск причинения тяжкого вреда здоровью и даже смерти потерпевшей – от удушья, от ударов тупым предметом по голове, от проникающего ранения ножом и так далее. Поэтому недооценивать опасность этого вида причинения вреда здоровью крайне недальновидно. Кроме этого, данный вид причинения вреда здоровью является наиболее распространенным среди иных видов посягательств на здоровье человека.

Также необходимо учитывать, что любое умышленное посягательство на здоровье человека причиняет ему существенный моральный вред. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 20.12.1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» указал, что под моральным вредом следует понимать нравственные или физические страдания, причиненные... действиями посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага. В этом же Постановлении приводятся примеры таких благ, из которых на первое место Верховный Суд РФ отнес жизнь и здоровье [20].

Очевидно, что человек, подвергшийся насилию, тяжело переживает как сам факт посягательства на его здоровье и неприкосновенность личности, так и последствия, наступившие в результате преступного посягательства. При этом следует учитывать, что в момент причинения вреда здоровью, который в дальнейшем квалифицируется как легкий, потерпевшему крайне сложно квалифицировать умысел виновного на причинение именно легкого вреда здоровью, особенно если виновный применяет какое-либо оружие преступления – нож, молоток, табурет и так далее. В связи с чем общественная опасность данного преступления также представляется высокой.

Те же доводы справедливы и для преступлений, предусмотренных статьей 112 и части первой статьи 111. Однако основанием для конфискации имущества, по непонятной логике законодателя, являются только причинение тяжкого вреда здоровью с квалифицированными и особо квалифицированными признаками.

Представляется, что конфискация имущества, безусловно, должна предусматриваться при совершении умышленных преступлений, направленных на причинение вреда здоровью любой степени тяжести. Почему-то законодатель упустил из виду, что восстановление здоровья потерпевшего является обязанностью государства, которое проводит реабилитационные процедуры в клиниках и медицинских центрах, финансируемых за счет средств федерального бюджета. Поэтому конфискация имущества осужденных по преступлениям, связанным с причинением вреда здоровью, способна в значительной степени компенсировать затраты, связанные с лечением потерпевших от данных видов преступлений.

По итогам параграфа можно сделать вывод о том, что сегодня при определении видов преступных деяний, за совершение которых возможно применение конфискации имущества, законодателем допущен ряд пробелов и

недоработок норм уголовного закона. В первую очередь, это относится к отсутствию в перечне таких преступных деяний, как кража, грабеж, разбой, мошенничество, причинение всех видов вреда здоровью, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, геноцид и множества других.

Также в части первой статьи 104.1 УК РФ отсутствуют основания группировки преступлений по определенным признакам, позволяющим четко и обоснованно установить признаки деяния, за совершение которого будет назначена конфискация имущества.

2.2 Виды имущества, подлежащего конфискации

Статья 104.1 УК РФ, раскрывая сущность и содержание конфискации имущества, говорит о том, что конфискации подлежат следующие категории имущества:

- а) деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершения преступлений, перечисленных в пунктах «а» – «в» части первой статьи 104.1 УК РФ;
- б) орудия, оборудование и иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому.

В литературе высказываются различные мнения о понятии и содержании денег. Например, В.Е. Карнушин пишет о том, что деньги как товар не могут иметь никакой потребительской ценности. Единственная их ценность – меновая. Причем меновая ценность денег возникает не в силу природных свойств денег, а в силу признания данной ценности властным субъектом – государством. Данным свойством деньги как объект гражданских прав наделяются именно законом [39, с. 22].

В.Н. Анищенко понимает категорию «деньги» как финансовый контракт между сторонами, который основывается на будущей стоимости базисного актива, в качестве которого выступает валовой внутренний продукт (ВВП) страны эмитента. Одной из сторон такого контакта для национальной российской валюты всегда является российское государство, которое в одностороннем порядке отказывается от гарантий покупательной способности рубля, а для иностранной валюты – это может быть государство или иной установленный национальным законодательством эмитент этой валюты [29, с. 128].

Понятие денег содержится в ряде нормативно-правовых актов. Так, статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) включает наличные деньги в состав вещей, а безналичные денежные средства – в состав иного имущества. Как наличные, так и безналичные деньги относятся к объектам гражданских прав.

В свою очередь, статья 140 ГК РФ именуется «Деньги (валюта)». В то же время, определения денег в данной норме не приводится. Закрепляется статус рубля как законного платежного средства, обязательного к приему на всей территории Российской Федерации.

Также указывается, что случаи, порядок и условия использования иностранной

валюты на территории Российской Федерации определяются законом или в установленном им порядке.

Следует также привести содержание статьи 27 Федерального закона от 10.07.2002 № 86–ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», где в императивном порядке прописаны положения о том, что официальной денежной единицей (валютой) Российской Федерации является рубль, состоящий из ста копеек. Введение на территории Российской Федерации других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещаются [10].

Кроме этого, из содержания статьи 1 Федерального закона от 10.12.2003 № 173–ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» следует, что к валюте Российской Федерации относятся, во-первых, денежные знаки в виде банкнот и монет Банка России; во-вторых, средства на банковских счетах и банковских вкладах.

В свою очередь, к иностранной валюте относятся, соответственно, денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, а также монет, находящихся в обращении на территории соответствующего иностранного государства, а также средства на банковских счетах в иностранной валюте [7].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что под деньгами следует понимать:

- 1) наличные денежные средства в виде российской и иностранной валюты, выраженные в материальных предметах – купюрах, монетах, ценных бумагах;
- 2) безналичные денежные средства, находящиеся на банковских счетах и в виде банковских вкладов, размещенные в российской и иностранной валюте.

В то же время, в связи с развитием информационных технологий и электронных платежных систем, возникает вопрос о статусе электронных денежных средств, активно применяющихся в современном товарно-денежном обороте.

Впервые правовой статус электронных денег получил закрепление в Федеральном законе от 27.06.2016 № 161–ФЗ «О национальной платежной системе». В тексте закона приводится довольно размытое определение электронных денежных средств, из анализа которого следует, что электронные денежные средства – это денежные средства, предоставленные без открытия банковского счета «одним лицом другому лицу для выполнения обязательств перед третьими лицами» [6].

Представляется, что имеющееся определение не отражает сущность и статус электронных денег, и для его уяснения необходимо искать взаимосвязь понятия электронных денег с иными терминами, содержащимися в законе, в числе которых – оператор платежной системы; электронное средство платежа; платежная система и ряд других.

Исследователи также пишут о неудачном определении электронных денег, приведенном в Федеральном законе от 27.06.2016 № 161–ФЗ «О национальной платежной системе». Следует отметить, что за рубежом, более распространенным является наименование «виртуальная валюта» (virtual currency).

А.И. Савельев по этому поводу пишет, что в докладе Европейского

центрального банка (ЕЦБ) под виртуальной валютой понимается «цифровое представление ценности, не эмитированное центральным банком, кредитным учреждением или эмитентом электронных денег, которая может при определенных обстоятельствах служить в качестве альтернативы деньгам».

Виртуальные валюты ЕЦБ разделил на три вида:

- 1) системы виртуальных валют закрытого типа, используемые в онлайн-играх;
- 2) системы, где обмен возможен только в одну сторону, как правило, допускается покупка виртуальной валюты;
- 3) системы с возможностью двустороннего обмена, т. е. речь идет о конвертируемой виртуальной валюте, имеющей обменный курс покупки и продажи [56, с. 244].

Из представленного определения видно, что в настоящее время ЕЦБ не рассматривает виртуальную валюту ни в качестве денежных средств (экономический аспект), ни в качестве платежного средства (юридический аспект).

Применительно к условиям российской действительности следует отметить, что сегодня электронные денежные средства получают довольно широкое распространение, в том числе – применительно к преступной деятельности, и вполне могут являться предметом конфискации имущества.

Так, по одному из дел суд указал, что П., имея преступный умысел, направленный на незаконные без цели сбыта приобретение и хранение наркотических средств в крупном размере, посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», используя программу ICQ клиента мгновенных сообщений, договорился с неустановленным лицом, зарегистрированным в ICQ, у которого ранее неоднократно приобретал наркотические средства, о приобретении производного наркотического средства в крупном размере, после чего посредством безналичного платежного сервиса, используя терминал оплаты, перевел на виртуальный счет сбывчика денежные средства. Сбывчик наркотических средств, получив подтверждение перевода денег, используя программу ICQ, сообщил П. места «закладок» с наркотическим средством.

Впоследствии, назначая П. наказание, суд постановил конфисковать денежные средства, размещенные на электронном счете П., как средства, полученные преступным путем [65].

В целом, представляется, что электронные деньги являются разновидностью безналичных денежных средств, поэтому выделение их в отдельную группу видится нецелесообразным. В то же время, есть определенный резон в рассуждениях В.Е. Карнушина, который пишет о том, что во всех правоотношениях, в которых объектом выступают электронные деньги, необходим оператор электронных денежных средств, то есть правоотношение всегда осложнено третьим субъектом. Данный субъект обладает особым правовым статусом (кредитная организация), за рубежом именуется эмитентом электронных денег. Наличие третьего субъекта означает правовую невозможность

признания за электронными деньгами статуса законного платежного средства [39, с. 23].

Достаточно непросто определиться с понятием ценностей как вида имущества, подлежащего конфискации. Легальное, но предельно краткое определение понятия «ценности» содержится в статье 1 Федерального закона от 26.03.1998 г. № 41–ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях»: это драгоценные металлы и (или) драгоценные камни [12].

В этой же статье приведен перечень предметов, входящих в состав драгоценных металлов и драгоценных камней. К металлам отнесены золото, серебро, платина и металлы платиновой группы. Устанавливается, что драгоценные металлы могут находиться в любом состоянии и в любом виде, от самородков до ювелирных изделий.

В свою очередь, к драгоценным камням отнесены природные алмазы, изумруды, рубины, сапфиры и александриты, а также природный жемчуг в сыром (естественном) и обработанном виде.

К драгоценным камням приравниваются и уникальные янтарные образования, отвечающие ряду специально установленных требований, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 05.01.1999 № 8 «Об утверждении Порядка отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням». К таким требованиям, в частности, относятся:

- 1) масса – свыше 1000 граммов;
- 2) форма – разнообразная, связанная с условиями внутривольного образования янтаря;
- 3) целостность – относительно монолитные по своей структуре, не содержащие сквозных раковин, визуальных трещин, угрожающих целостности образца;
- 4) включения – прозрачные образцы с хорошо сохранившимися включениями флоры и фауны размерами более 10 мм;
- 5) цвет – разнообразная цветовая гамма, присущая янтарю [14].

Итак, по смыслу вышеприведенных норм, к ценностям следует относить драгоценные металлы и драгоценные камни. В то же время, анализ иных законодательных актов позволяет сделать вывод о том, что к ценностям могут быть отнесены и иные предметы, не являющиеся драгоценностями.

Например, в федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации» речь идет о ценных бумагах. В тексте Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» встречаются такие термины, как «эмиссионные ценные бумаги», «иные ценные бумаги», «внешние ценные бумаги», «валютные ценности».

Кроме этого, российское законодательство регулирует и такую категорию ценностей, как «культурные ценности». Так, Закон РФ от 15.04.1993 № 4804–1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей», вводя термин «культурные ценности», относит к данному виду имущества исторические ценности, археологические предметы, художественные ценности, изделия народного промысла, уникальные и редкие музыкальные инструменты, старинные монеты, ордена, медали и ряд других движимых предметов, относящихся к данным категориям [13].

Так, по одному из дел суд установил, что Б., находясь в республике Германия, на выставке приобрел предметы, являющиеся культурными ценностями. Находясь в международном аэропорту «Кольцово», имея при себе ранее приобретенные предметы, являющиеся культурными ценностями, Б. попытался осуществить незаконное перемещение данных предметов через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. В ходе проведения таможенного досмотра багажа, принадлежащего Б., в служебном помещении зала прилета международного терминала аэропорта обнаружены предметы, отнесенные к культурным ценностям: офицерские кортики, кинжалы штурмовых отрядов, полицейские боевые ножи, ордена и медали немецкой армии.

Суд указал, что вышеперечисленные предметы на основании заключения эксперта отнесены к культурным ценностям и подпадают под действие Закона Российской Федерации от 15.04.1993 № 4804–1 «О ввозе и вывозе культурных ценностей». Их общая рыночная стоимость составляет 979 380 рублей 00 копеек и является крупным размером.

Согласно приговору суда, предметы – культурные ценности в количестве 30 штук подлежат конфискации с обращением в собственность Российской Федерации [69].

В то же время, анализ судебных приговоров показывает, что суды подвергают конфискации ценности, полученные в результате преступной деятельности, в большинстве своем в виде драгоценных камней и металлов. Так, по одному из дел суд установил, что К., находясь в республике Казахстан, приобрел драгоценные металлы, после чего у К. возник преступный умысел на незаконное перемещение через Государственную границу Российской Федерации с государством – членом таможенного союза в рамках ЕврАзЭС стратегически важных товаров – драгоценных металлов в крупном размере.

С целью реализации своего преступного умысла К. поместил драгоценные металлы в технологические ниши автомобиля и попытался пересечь государственную границу, однако был задержан сотрудниками таможни.

Суд, вынося приговор, указал, что слитки химически чистого серебра весом 56 килограмм 771 грамм и химически чистого золота общей массой 69 грамм, приобретенные К., должны быть конфискованы в доход государства как полученные преступным путем [76].

Что касается иного имущества, полученного в результате совершения преступлений, перечисленных в пунктах «а»–«в» части первой статьи 104.1 УК РФ, то к этому имуществу судебная практика относит любые вещи и предметы, приобретаемые виновным за счет дохода от преступной деятельности.

Например, по одному из дел суд указал, что вещественные доказательства – сотовые телефоны: «Сони Эриксон», «Нокиа», «Самсунг», на которые наложен арест, приобретены на вырученные средства от реализации наркотических средств, в связи с чем, согласно п. 3.1, п. 4 ст. 82, п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, они подлежат конфискации в доход государства.

Также в судебном заседании было установлено, что подсудимый на вырученные денежные средства от продажи наркотических средств, приобрел

автомашину ГАЗ 322132, на которую наложен арест. Эта автомашина, в соответствии с частью 1 статьи 104.1 УК РФ, также подлежит конфискации в собственность государства.

Автомобиль Рено «Логан», принадлежавший подсудимому, использовался как средство для совершения преступления – реализации наркотических средств. В этом автомобиле всегда осуществлялась передача наркотика лицам. Наркотическое средство постоянно хранилось в салоне этого автомобиля, поэтому этот автомобиль также является объектом конфискации имущества подсудимого в собственность государства [70].

В то же время, следует учитывать, что в соответствии со ст.104.1 УК РФ конфискации в доход государства подлежит только имущество, полученное в результате совершения преступлений. Поэтому по одному из дел суд указал, что в ходе предварительного следствия судом наложен арест на денежные средства в сумме 31 000 рублей, мобильный телефон «Нокиа», мобильный телефон «Флай», мобильный телефон «Самсунг Дуос» и ноутбук «DNS», изъятые у Д. в ходе обыска.

Органами предварительного следствия и государственным обвинением не представлено доказательств того, что вышеуказанное имущество приобретено Д. в результате преступной деятельности. Сам Д. пояснил в суде, что от сбыта наркотиков он получил 9000 рублей, остальные деньги ему дали родители, данные показания ничем не опровергнуты.

В связи с изложенным, суд указал, что конфискации в доход государства подлежат денежные средства в размере 9000 рублей, с остальных денежных средств в размере 22 000 рублей и вышеуказанного имущества суд находит правильным наложенный арест отменить, денежные средства в размере 22 000 рублей, сотовые телефоны и ноутбук вернуть Д. [67].

Как указывалось, конфискации подлежат также орудия, оборудование и иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому. При этом один и тот же предмет, в зависимости от ситуации, может выступать как имуществом, приобретенным за счет доходов, полученных от преступной деятельности, так и орудием (оборудованием), с использованием которого осуществляется преступная деятельность. Речь идет о таких видах имущества, как автомобили, ноутбуки, сотовые телефоны и другие виды.

Например, по одному из дел Л., реализуя свой преступный умысел, направленный на приобретение, хранение в целях распространения и рекламирования, распространение и рекламирование материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, действуя умышленно, путем копирования с носителя информации в принадлежащих ему ЭВМ, подключенных к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», с помощью «платформы» для размещения сайтов, на которые загрузил со своих ЭВМ материалы, которые в последующем содержались на вышеуказанных сайтах, рекламировались и публично демонстрировались для повышения посещаемости, как изображения несовершеннолетних и лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, которые согласно заключению эксперта являются

порнографическими.

Своими умышленными действиями Л. осуществил распространение электронных файлов, содержащих материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

Суд указал, что принадлежащие подсудимому ноутбуки и переносной жесткий диск на основании п. 1 ч. 3 ст. 81 УК РФ, п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ подлежат конфискации в доход государства как орудия преступления [75].

По другому делу орудием преступления был признан автомобиль, на котором обвиняемый перевозил похищенные металлы. Так, М. обратился к индивидуальному предпринимателю, выступающему в качестве перевозчика, с просьбой подобрать груз цветного металла для доставки из Свердловской области, предоставив копии документов на принадлежащие ему автомобиль и полуприцеп. Р., заблуждаясь относительно истинных намерений М., заключила с последним договор перевозки медных катодов массой 20 тонн и стоимостью более 6 миллионов рублей.

Не имея намерений исполнять обязательства по доставке груза, М. обратил его в свою пользу, распорядившись по своему усмотрению, чем причинил ущерб собственнику груза на вышеуказанную сумму.

Назначая наказание, суд указал, что принадлежащий М. автомобиль ГАЗ 331061, на основании п. 1 ч. 3 ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и п. «г» ч. 1 ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации подлежит конфискации, поскольку являлся орудием совершения преступления [68].

Часть вторая статьи 104.2 предусматривает, что в случае отсутствия либо недостаточности денежных средств, подлежащих конфискации взамен предмета, входящего в имущество, указанное в статье 104.1 УК РФ, суд выносит решение о конфискации иного имущества, стоимость которого соответствует стоимости предмета, подлежащего конфискации, либо сопоставима со стоимостью этого предмета. Как видно, в ряде случаев может быть конфисковано и имущество, принадлежащее виновному на законных основаниях, за исключением имущества, на которое не может быть обращено взыскание. Перечень данных видов имущества закреплен в статье 446 ГПК РФ. Это, в частности, жилое помещение, являющееся единственно пригодным для проживания виновного и членов его семьи; предметы домашнего обихода; имущество, необходимое для профессиональных занятий, являющихся источником дохода; продукты питания; топливо и ряд других предметов.

По итогам параграфа можно сделать вывод о том, что УК РФ, определяя виды имущества, подлежащего конфискации, рассматривает в качестве предметов, на которые может быть обращено взыскание:

- 1) деньги;
- 2) ценности;
- 3) иное имущество;
- 4) предметы, служащие орудием совершенного преступления;
- 5) имущество, принадлежащее виновному на законных основаниях.

2.3 Актуальные проблемы реализации меры государственного принуждения в виде конфискации имущества и рекомендации по их устранению (Правовые возможности по использованию зарубежного опыта конфискации имущества)

Одним из оснований конфискации имущества, указанных в части третьей статьи 104.1 УК РФ, выступает причастность денег, ценностей и иного имущества к деятельности по финансированию терроризма и экстремизма.

В статье 3 Федерального закона от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» указано, что терроризм – это «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [9].

В то же время, анализ федерального законодательства и ведомственных нормативных актов позволяет сделать вывод о несогласованности правовых норм, регулирующих противодействие терроризму.

В частности, согласно указанию Генпрокуратуры России и МВД России от 01.02.2016 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», к преступлениям террористической направленности относятся преступные деяния, непосредственно отнесенные к террористической деятельности (статьи 205–205.5), а также иные преступления, предполагающие захват власти, создание незаконного вооруженного формирования, угоны воздушного судна или железнодорожного состава, организация экстремистского сообщества и ряд других (всего – 25 составов) [16].

По этому поводу следует отметить, что уголовный закон в примечании к статье 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности» содержит перечень преступлений, подпадающих под понятие финансирования терроризма. При этом данный перечень значительно уже, чем содержащийся в Указании, и включает в себя всего 15 преступных деяний.

Более того, Федеральный закон «О противодействии терроризму», определяя собственный перечень рассматриваемых преступлений, также расходится с уголовным законом. В частности, Закон относит к преступлениям террористического характера ст. 280, 282.1, 282.2 282.3, которые не перечислены в УК РФ.

В свою очередь, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» приводятся разъяснения о том, что финансированием терроризма следует признавать, наряду с оказанием финансовых услуг, предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств (например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи лекарственных препаратов, жилых либо нежилых помещений, транспортных средств) с

осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ. Как видно, данный перечень согласуется с преступлениями, отнесенными законодателям к террористической деятельности, перечисленными в части 1 статьи 205.1 УК РФ.

Ряд исследователей, и, в частности, Н.Н. Маршакова поддерживает позицию законодателя, представленную в Федеральном законе «О противодействии терроризму», поскольку, по ее мнению, эти деяния являются преступлениями экстремистского, а не террористического характера [42, с. 34].

Тем не менее, сложно согласиться с мнением Н.Н. Маршаковой по следующим основаниям. Во-первых, экстремизм и терроризм всегда идут в одной связке и взаимообуславливают друг друга. Все экстремистские преступления имеют своей целью разобщение и устрашение государства и общества, что полностью совпадает с целями терроризма. Во-вторых, как представляется, при установлении перечня преступлений террористического характера следует руководствоваться, в первую очередь, положениями Уголовного кодекса России, имеющего приоритет над федеральными законами в сфере установления уголовной ответственности за преступления.

Ряд ученых, и, в частности, С.К. Абрамян, к преступлениям террористической направленности предлагают относить и насильственные преступления в отношении не только государственных и общественных деятелей, но и любых представителей власти, в том числе – сотрудников правоохранительных органов, отличительной чертой которых является устрашение и угрозы. К таким преступлениям С.К. Абрамян, в частности, относит незаконное лишение свободы, захват заложников, убийство и угроза убийством, нанесение тяжкого вреда здоровью, уничтожение имущества и другие преступления, в ходе которых причиняется смерть или вред здоровью, повреждается имущество любых лиц, являющихся представителями власти или имеющих отношение к политической и общественной деятельности [27, с. 67].

Сложно согласиться с высказанной позицией, поскольку российский законодатель в уголовном законе четко дифференцирует ответственность, наступающую за посягательства на лиц, подлежащих особой охране государством. Тем не менее, данное предложение представляется заслуживающим внимания, что обусловлено отсутствием закрытого перечня преступлений террористического характера.

Итак, следует констатировать, что сегодня имеется несогласованность между федеральным законодательством и подзаконными актами органов исполнительной власти правоохранительной деятельности, непосредственно реализующих уголовную политику государства. В целом, можно сделать вывод, что в федеральном законодательстве перечень преступлений террористического характера остается открытым, что обуславливает дискуссионность вопроса об отнесении тех или иных преступных деяний к рассматриваемым преступлениям.

Между тем, необходимость скорейшего четкого и единообразного разрешения

данного вопроса напрямую связана с разработкой наиболее эффективных способов противодействия органами внутренних дел преступлениям террористического характера, принятия действенных механизмов проведения специальных мероприятий, направленных на выявление, предупреждение и пресечение преступлений террористического характера. По оценкам политологов, в мире сегодня существует около 50 основных очагов терроризма, в которые вовлечены свыше 220 млн. человек. При этом только в Европе террористических партий, движений и военных организаций насчитывается около 200. Среди них есть и легальные организации, хотя многие остаются на нелегальном положении.

Как пишет М.Г. Носов, даже в благополучной Финляндии существуют такие партии, как «Будущее Аландов» и «Саамский парламент». Самое большое количество террористических и сепаратистских организаций находится в Испании, Италии и Франции. Среди них есть такие хорошо известные организации, как запрещённая «Батасуна» и «Ницианские повстанцы». История показывает, что эволюция этих движений может быть крайне неожиданной и весьма опасной, что происходит как под воздействием внутренних проблем, так и под внешним влиянием [47, с. 9].

Исследователи отмечают, что в 2018–2016 г.г. судами Российской Федерации по инициативе компетентных органов запрещена деятельность 20 террористических организаций. Судебный запрет влечет множество дополнительных правовых последствий – от принудительного закрытия офисов и электронных ресурсов до прекращения какого бы то ни было легального финансирования, хотя бы и в виде пожертвований. Среди организаций, признанных террористическими, вопреки расхожим представлениям, оказываются не только радикально-исламистские, но и религиозные организации, в том числе – христианского профиля, а также неонацистские и ультранационалистические.

В частности, в России за последние два года к таким организациям, в частности, отнесены религиозная группа «Файзрахманисты» (Татарстан); Община Коренного Русского народа (Московская область), «Левый фронт», «Народное ополчение им. Минина и Пожарского». Верховный Суд Российской Федерации также признал экстремистскими организациями «Правый сектор», «Украинскую национальную ассамблею – Украинскую народную самооборону» (УНА–УНСО), «Украинскую повстанческую армию» (УПА), «Тризуб им. Степана Бандеры», «Братство» [51].

Из последних событий следует выделить решение Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2016 г., которым удовлетворено заявление Генерального прокурора Российской Федерации о признании международного религиозного объединения «АУМ Синрикэ» террористической организацией. Согласно решению Суда, деятельность объединения на территории Российской Федерации запрещена с момента вступления в силу с 25 октября 2016 г. [21].

Имеются случаи пресечения деятельности террористических и экстремистских организаций и в Уральском федеральном округе. Например, в 2017 г. прокуратурой г. Тюмени совместно с оперативными сотрудниками центра по

противодействию экстремизма УМВД России по Тюменской области проведена проверка мусульманской религиозной организации Тюменской области «Тюменская соборная мечеть», по результатам которого установлен факт хранения в целях массового распространения литературы: книга из собрания сочинений «Рисале-и Нур», «Трактат о природе» и ряд других печатных изданий, включенных в федеральный список экстремистских материалов. По результатам проверки религиозная организация была признана экстремистской, ее деятельность прекращена.

Анализ судебной практики Уральского федерального округа показывает, что в данном регионе случаи конфискации имущества, назначаемые судом при выявлении фактов финансирования экстремисткой и террористической деятельности, практически не имеют места. В то же время, имеются примеры из федеральной судебной практики, позволяющие говорить о том, что рассматриваемая принудительная мера уголовно-правового характера достаточно часто применяется судами.

Например, по одному из дел, рассмотренных Московским городским судом, было установлено, что на территории г. Москвы осуществляет деятельность ЗАО, соучредителями которого с долями по 25 % являются граждане Украины Коломойский, Рябоконь, Боголюбов и Мартынов. При этом Коломойский, являясь губернатором Днепропетровской области республики Украина, осуществлял финансирование украинских вооруженных формирований «Айдар» и «Днепр» с целью убийства неограниченного числа гражданских лиц общеопасным способом по мотивам политической ненависти, в нарушение положений международных Конвенций, а также осуществлял общее руководство проведением войсковой операции путем обязательных для исполнения приказов подконтрольным силовым структурам Украины, что подтверждается материалами уголовного дела, возбужденного Следственным комитетом России в отношении вышеуказанных лиц.

По имеющимся данным прибыль, получаемая в результате сдачи в аренду помещений указанного здания, использовалась Коломойским и другими фигурантами дела для финансирования террористической и диверсионной деятельности подконтрольных Коломойскому И.В. украинских вооруженных формирований «Айдар», «Днепр» и других, бойцы которых причастны к убийству российских журналистов на территории Украины.

Таким образом, в соответствии с ч. 1 ст. 115 УПК РФ для обеспечения исполнения приговора в части возможной конфискации имущества, используемого Коломойским И.В. и подконтрольными ему лицами для финансирования террористической деятельности указанных выше вооруженных формирований, арест имущества ЗАО и запрет юридическому лицу распоряжаться данным имуществом судом признан правомерным [77].

Ряд сложностей на практике возникает и при определении экстремисткой деятельности. Уголовный кодекс формулировки экстремизма не содержит, что придает данной норме отсылочный характер. Действительно, легальное определение экстремисткой деятельности (экстремизма) закреплено в статье 1

Федерального закона от 25.07.2002 № 114–ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», где, в частности, перечислены противоправные деяния, совершение которых дает основания говорить о наличии экстремистских признаков. К таким деяниям отнесен широкий круг посягательств на различные объекты уголовно-правовой охраны, в числе которых – основы конституционного строя России и безопасность государства; порядок управления; мир и безопасность человечества и ряд других [11].

Непосредственно составы преступлений, предусматривающие ответственность за экстремизм и экстремистскую деятельность, содержатся в статьях 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества»; 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации»; 282.3 «Финансирование экстремистской деятельности». На это обращает внимание и Верховный Суд РФ в постановлении от 28.06.2016 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Так, в пункте 25 Постановления разъясняется, что вопрос о конфискации денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений экстремистской направленности, должен рассматриваться применительно к лицам, признанным виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьями 282.1, 282.2 и 282.3 УК РФ. В то же время, Верховный Суд указывает, что конфискации подлежат также деньги, ценности и иное имущество, используемое или предназначенное для финансирования терроризма, экстремистской деятельности [19].

Таким образом, возникает правовая неопределенность по поводу того, что подлежит ли конфискации имущество, деньги и ценности, предназначенные для финансирования преступлений, не предусмотренных статьями 282.1, 282.2 и 282.3 УК РФ. Представляется, что для решения данного вопроса следует учитывать, что к экстремистской деятельности относятся и другие деяния, в том числе – сепаратистской направленности, основывающиеся на стремлении ослабить или нарушить государственный суверенитет, вывести отдельные территории из-под государственной юрисдикции, установить собственный порядок управления.

Например, Ф.С. Сосенков указывает, что сепаратистское движение покушается на нерушимость границ и государственную монополию порядка управления и власти. Идеология сепаратизма является враждебной и агрессивной, она основана на ложно понимаемой системе ценностей, навязываемой якобы угнетаемому религиозному либо этническому меньшинству в целях восстановления некой исторической справедливости [60, с. 21].

В Российской Федерации сепаратизм признается преступлением, совершение которого влечет юридические последствия в виде уголовно-правовых санкций. Так, Уголовный кодекс России признает особо тяжким преступлением вооруженный мятеж, направленный на нарушение территориальной целостности нашего государства (статья 279), предусматривая за это деяние лишение свободы на срок до двадцати лет. Уголовно наказуемым являются и публичные призывы к таким действиям, в том числе – размещенные в сети Интернет (статья 280.1).

Согласно определению, закрепленному в пункте 2 статьи 1 Шанхайской

конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 года, под сепаратизмом следует понимать любое деяние, совершаемое насильственным путем и преследуемое уголовным законом, целями которого являются:

- а) нарушение территориальной целостности государства;
- б) отделение от государства части его территории;
- в) дезинтеграция государства;
- г) планирование, пособничество, подстрекательство к таким деяниям [3].

В научном сообществе конфискации имущества как эффективному уголовно-правовому инструменту противодействия экстремизму и терроризму придается большое значение. Например, А.В. Петрянин пишет, что применение конфискации способно обеспечить подрыв экономических основ экстремизма посредством отчуждения у преступников денежных средств, ценностей и иного имущества, предназначенного для обеспечения деятельности экстремистских сообществ посредством их финансирования [50, с. 142].

Особое значение конфискация имущества как инструмент противодействия преступлениям экстремистской и террористической направленности приобрела после подписания и ратификации Россией Конвенции о борьбе с финансированием терроризма. В данном международно-правовом нормативном акте закрепляется обязанность каждого государства, участвующего в Конвенции, принимать все необходимые меры для блокировки и ареста любых средств, используемых в целях совершения указанных преступлений, в целях их дальнейшей конфискации. Также Конвенцией прямо предусмотрено, что каждое государство-участник обязано принимать меры для конфискации средств, которые использовались или были выделены для целей совершения преступлений террористического характера, и доходов, полученных в результате таких преступлений [2].

Проблемы борьбы с организованными и коррупционными проявлениями преступности, возмещения причиненного преступлением ущерба, необходимости восстановления социальной справедливости актуальны не только для России, но и для многих развитых зарубежных стран. Прежде всего, это проявляется в издании ряда международных нормативных документов, предусматривающих возможность конфискации имущества за совершение отдельных видов противоправных деяний.

Например, в соответствии со ст. 31 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, конфискация является одним из правовых средств борьбы с коррупцией.

Более того, согласно Конвенции государства-участники могут рассмотреть возможность установления требования о том, чтобы лицо, совершившее преступление, доказало законное происхождение таких предполагаемых доходов от преступления или другого имущества, подлежащего конфискации, в той мере, в какой такое требование соответствует основополагающим принципам их внутреннего законодательства и характеру судебного и иного разбирательства [5].

Аналогичное положение содержится в Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности

от 15 ноября 2000 г., принятой в Нью-Йорке 15.11.2000 г. При этом в упомянутой Конвенции особо подчеркивается, что конкретные основания и порядок применения конфискации имущества, должны устанавливаться законодательством каждого из суверенных государств, подписавших Конвенцию [4].

Как показывает законодательная практика зарубежных стран, конфискация имущества известна значительному числу стран с самыми различными правовыми, общественными, политическими и экономическими системами.

Например, в соответствии со ст. 36 Уголовного кодекса Латвийской Республики, конфискация имущества отнесена к видам дополнительных уголовных наказаний. В силу статьи 42, конфискацией имущества является принудительное безвозмездное отчуждение в собственность государства всего или части имущества, находящегося в собственности осужденного. Конфискация имущества может быть назначена только в случаях, предусмотренных Особенной частью УК Латвии.

Как видно, латвийский законодатель не дифференцирует имущество, подлежащее конфискации, по признакам отнесения к доходам, полученным от преступной деятельности; по предназначению (например, для финансирования экстремистской или террористической деятельности); по видам преступлений. По смыслу приведенных норм, конфискации может подлежать любое имущество: как приобретенное до совершения преступлений, так и после их совершения, а также являющееся предметом преступления, либо доходами от преступной деятельности.

Например, конфискация имущества в императивном порядке назначается за такие деяния, как:

- 1) действие, направленное на насильственное свержение государственной власти Латвийской Республики (статья 80);
- 2) терроризм (статья 88);
- 3) вредительство (статья 89);
- 4) убийство при отягчающих обстоятельствах (статья 117);
- 5) захват заложников, совершенный по отношению к несовершеннолетнему или повторно, или группой лиц по предварительному сговору, или повлекший тяжкие последствия (часть 2 статьи 154) и ряд других [80].

Ряд статей Особенной части УК Латвии предусматривает возможность применить либо не применить конфискацию, оставляя данный вопрос на усмотрение суда. Например, часть 2 статьи 84 устанавливает, что умышленное нарушение нормативных актов, регулирующих действие в Латвийской Республике санкций, установленных Советом Безопасности Организации Объединенных Наций, совершенное повторно или группой лиц по предварительному сговору, или государственным должностным лицом, наказывается лишением свободы на срок до восьми лет с конфискацией имущества или без таковой.

Представляется, что в приведенном подходе латвийского законодателя имеются как достоинства, так и недостатки. В частности, разумным видится

закрепление норм, предусматривающих конфискацию имущества, в Особенной части УК; отсутствие размытых формулировок; наличие альтернативы для осужденного при вынесении приговора судом о применении либо не применении конфискации имущества. По сравнению с позицией российского законодателя четко определен перечень преступлений, по которым назначается конфискация имущества. Ряд преступных деяний влечет безусловное отчуждение имущества, что также видится верным решением.

В то же время, спорным представляется решение латвийского законодателя охватить конфискацией любое имущество осужденного, в том числе – находящееся в собственности на законных основаниях до совершения преступления. Такое решение справедливо для коррупционных преступлений, а также преступлений, причиняющих материальный ущерб (в числе которых по УК Латвии – кража, грабеж, разбой, мошенничество, вымогательство, контрабанда и другие). В то время как при совершении таких преступлений, как «нарушение правил хранения или перевозки спирта и алкогольных напитков» (статья 221), «жестокое обращение с животными» (статья 230) и ряд других применение конфискации видится необоснованным.

По УК Республики Беларусь конфискация имущества, так же, как и в Латвии, отнесена к дополнительным видам наказания. Законодатель не отнес данный институт к иным мерам уголовно-правового характера, аналогично разделу VI УК РФ, несмотря на наличие соответствующей главы 11 «Иные меры уголовной ответственности» в УК Республики Беларусь. К таким мерам, в частности, отнесены:

- 1) осуждение с отсрочкой исполнения наказания;
- 2) осуждение с условным неприменением наказания;
- 3) осуждение без назначения наказания;
- 4) превентивный надзор;
- 5) профилактическое наблюдение за осужденным [78].

Согласно статье 61 УК Республики Беларусь, конфискация имущества состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного. Как видно, приведенная формулировка практически дословно повторяет дефиницию, содержащуюся в УК Латвийской республики.

Сходным с латвийским видится и подход белорусского законодателя к содержанию конфискации имущества, которая назначается по отношению ко всему либо части имущества, осужденного независимо от принадлежности данного имущества к преступной деятельности.

Особенностью конфискации по УК Республики Беларусь следует признать наличие института специальной конфискации, применяемой независимо от категории преступления и вида назначенного наказания. Данная конфискация состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства:

- 1) орудий и средств совершения преступления, принадлежащих осужденному;
- 2) вещей, изъятых из оборота;
- 3) имущества, приобретенного преступным путем, дохода, полученного от

использования этого имущества;

4) предметов, которые непосредственно связаны с преступлением, если они не подлежат возврату потерпевшему или иному лицу.

Также независимо от права собственности подлежит специальной конфискации транспортное средство, которым управляло лицо, находившееся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Это правило не распространяется на случаи, когда транспортное средство выбыло из законного владения собственника в результате противоправных действий других лиц (например, в результате хищения).

Назначение конфискации имущества в качестве дополнительного наказания предусмотрено в соответствующих нормах Особенной части УК. Анализ преступных деяний, за совершение которых может быть назначена конфискация, показывает, что белорусский законодатель предусматривает конфискацию за:

1) преступления, наносящие имущественный ущерб (например, нарушение правил о сделках с драгоценными металлами и камнями; изготовление либо сбыт поддельных платежных средств; контрабанда; незаконная предпринимательская деятельность);

2) преступления, причиняющие вред здоровью населения (незаконные приобретение, хранение, использование, сбыт либо разрушение радиоактивных материалов; незаконный оборот наркотических средств);

3) преступления против интересов службы (злоупотребление властью или служебными полномочиями; бездействие должностного лица; превышение власти или служебных полномочий; дача и получение взятки) и ряд других деяний.

Также к особенностям конфискации по белорусскому УК следует отнести отсутствие императивного отчуждения имущества в пользу государства. Все составы, предусматривающие конфискацию, имеют альтернативные санкции, сформулированные как «с конфискацией имущества либо без конфискации». Такой подход заслуживает критического отношения, поскольку оставляет широкое поле для коррупционных проявлений со стороны судебных органов. Фактически за одно и то же преступное деяние наказание может быть назначено как с конфискацией, так и без таковой.

По УК Казахстана конфискация также относится к дополнительным наказаниям, назначаемым лицу, признанному виновным в совершении уголовного правонарушения (статья 40). В силу статьи 48, конфискации подлежит только имущество, добытое преступным путем, либо приобретенное на средства, добытые преступным путем. Также безусловной конфискации подлежит имущество, являющееся орудием или средством совершенного преступления.

Как видно, этот подход более близок российскому принципу применения конфискации, поскольку прямо указывает на предмет конфискации как на имущество, непосредственно относящееся к преступной деятельности.

В то же время, часть 3 статьи 48 предусматривает, что, если конфискация определенного предмета невозможна вследствие его использования, продажи или по иной причине, по решению суда подлежит конфискации денежная сумма, которая соответствует стоимости данного предмета. Подлежит конфискации и

имущество, переданное осужденным в собственность других лиц.

Так же, как и в вышеприведенных кодексах, в УК Казахстана санкции, предусматривающие конфискацию, отражены в нормах Особенной части. В отличие от УК Беларуси, УК Казахстана наряду с альтернативной вводит императивную конфискацию, что представляется верным подходом.

Например, по части 1 статьи 214 УК Казахстана осуществление предпринимательской или банковской деятельности без регистрации, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданину, организации или государству, влечет наказание в виде штрафа с конфискацией имущества, либо без таковой. То же деяние, совершенное преступной группой, либо с извлечением дохода в особо крупном размере, ужесточает основное наказание и предусматривает обязательную конфискацию имущества [79].

Ряд статей предусматривают только императивную конфискацию. Например, лжепредпринимательство (статья 215); создание и руководство финансовой (инвестиционной) пирамидой (статья 217); легализация (отмывание) денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем (статья 218); экономическая контрабанда (статья 234) и ряд других.

Также достаточно много в УК Казахстана и санкций, предоставляющих возможность применения конфискации на усмотрение суда. Это относится к таким преступлениям, как монополистическая деятельность (статья 221); получение незаконного вознаграждения (статья 247); изготовление, хранение, перемещение или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (статья 231); дача взятки (статья 367) и некоторые другие.

Зарубежное уголовное законодательство также достаточно активно применяет институт конфискации с некоторыми особенностями.

Например, в статье 131–21 УК Франции указывается, что наказание в виде конфискации применяется:

- 1) относительно предметов, квалифицированных законом или регламентом в качестве опасных или вредных;
- 2) к вещи, которая служила или была предназначена для совершения преступного деяния;
- 3) к вещи, которая была получена в результате совершения преступного деяния;
- 4) к любому движимому имуществу, определенному законом или регламентом, наказывающим преступное деяние [81].

Также закрепляется, что вещь, подлежащая конфискации, передается государству, за исключением случаев, когда предусматривается ее уничтожение или присуждение.

В целом, конфискация по УК Франции относится к видам дополнительных наказаний, что следует из анализа статьи 324–7, где указано, что «физические лица, виновные в совершении преступных деяний, определенных в статьях 324–1 и 324–2, подвергаются дополнительным наказаниям», в том числе – конфискации одного или нескольких транспортных средств, принадлежащих осужденному; конфискации одной или нескольких единиц оружия, принадлежащего осужденному или находящегося в его свободном распоряжении.

В нормах особенной части, устанавливающих санкции за совершенные преступления, конфискация не упоминается. Речь о возможной конфискации идет лишь в некоторых случаях относительно конкретных предметов, подлежащих отчуждению, как отмечено выше.

К особенностям института конфискации имущества по УК Франции следует отнести возможность конфискации имущества, принадлежащего юридическому лицу, на что прямо указывается в статье 225–24: «Физические или юридические лица, виновные в совершении какого-либо из преступных деяний, предусмотренных статьями с 225–5 по 225–10, подвергаются конфискации движимого имущества, служившего прямо или косвенно совершению преступного деяния, так же как доходов от преступного деяния». Как видно, по УК Франции субъектом преступления признается не только физическое, но и юридическое лицо.

Итак, по УК Франции конфискация имущества в ряде случаев является обязательной и применяется к имуществу, имеющему непосредственное отношение к преступной деятельности, а также к предметам, изъятым из гражданского оборота, либо специально указанным в УК (транспорт, оружие). По смыслу закона конфискация может применяться и к любому движимому имуществу, определенному законом или регламентом, наказывающим преступное деяние.

Германский законодатель уделяет конфискации значительно больше внимания. В УК Германии выделена специальная глава 7, именуемая «Конфискация и изъятие имущества». В данном разделе проводится разграничение конфискации и изъятия имущества. Основное различие между ними состоит в том, что под конфискацией УК Германии понимает изъятие имущества, возникшего или приобретенного непосредственно от результатов «правонарушающего деяния» (параграф 73). Тогда как изъятие предполагает отчуждение предметов, которые были использованы для совершения преступления (орудие преступления).

УК Германии говорит о том, что назначение конфискации распространяется также на извлеченную выгоду. Это положение распространяется и на лицо, в интересах которого действовал исполнитель или участник преступления. Также конфискации подлежит имущество, переданное преступником третьим лицам.

В тексте УК Германии содержатся также положения, предписывающие не назначать конфискацию, если она будет «неоправданной жестокостью» по отношению к виновному лицу. Основаниями неприменения конфискации также выступают такие обстоятельства, как отсутствие имущества у виновного, либо незначительная стоимость имущества, которое необходимо конфисковать.

Имущество отчуждается в пользу государства (параграф 73e). Если же распоряжение о конфискации или изъятии предмета невыполнимо, то суд вправе отменить данную меру принуждения (параграф 76).

В Особенной части УК Германии санкции уголовных статей практически не предусматривают конфискацию, что свидетельствует о принятии такого решения непосредственно судом по каждому конкретному делу. Отдельные статьи УК

Германии говорят о конфискации конкретных предметов, например, в параграфе 150 закрепляется, что фальшивые деньги, подделанные и погашенные знаки оплаты и средства, применяемые для фальсификации, конфискуются.

Параграф 286 предусматривает конфискацию оборудования, используемого в азартных играх, и денег, находящихся на игровом столе и в банке, если они принадлежат исполнителю или участнику [82].

В целом, германский законодатель предписывает производить безусловную конфискацию имущества, имеющего непосредственное отношение к преступлению. Это могут быть орудия преступления; предмет преступления; выгода, полученная от совершения преступления; доходы от преступной деятельности и другое имущество. При этом особенностью норм УК Германии следует признать возможность для виновного избежать конфискации не только по основаниям малозначительности, но и по гуманистическим соображениям, что представляется заслуживающим внимания.

По итогам параграфа можно сделать вывод о том, что анализ зарубежного опыта применения института конфискации имущества необходим для критического осмысления действующих норм отечественного Уголовного кодекса Российской Федерации и последующего возможного заимствования отдельных положений рассматриваемого института, способных упорядочить правоотношения в сфере конфискации имущества.

Выводы по разделу 2

1. Правовым дефектом института конфискации имущества видится неурегулированность вопроса о том, является ли конфискация имущества обязательной, или выносится на усмотрение суда. В связи с чем предлагается следующая редакция части первой статьи 104.1 УК РФ:

«1. Принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора денег, ценностей и иного имущества, полученного в результате преступной деятельности (конфискация имущества), назначается судом в качестве иной меры уголовно-правового характера за совершение преступлений, предусмотренных:

а) ...» (далее – по тексту УК РФ).

Такая формулировка позволит исключить неопределенность в вопросах применения конфискации имущества, что, как представляется, значительно повысит уровень ответственности лиц, совершающих преступления.

2. Пробелом законодательства видится отсутствие легально закрепленных дефиниций терминов, характеризующих виды имущества для целей возможной конфискации, в том числе «денег», «ценностей», «иного имущества». Кроме этого, практически не разработанным остается статус электронных денежных средств, которые также подлежат конфискации. Проблема видится в том, что для выяснения факта наличия электронных счетов необходимо запрашивать информацию у множества электронных сервисов, что при отсутствии единой базы электронных денежных сервисов является достаточно трудоемким процессом.

Кроме этого, на практике возникают и другие актуальные проблемы реализации конфискации имущества, о чем более подробно будет сказано в заключительной главе настоящего исследования.

3. В целях упорядочивания уголовных норм, регулирующих конфискацию имущества, необходимо внести изменения и дополнения в пункт «в» части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса РФ, изложив его в следующей редакции:

«в) денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования преступлений террористического и экстремистского характера, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 280.1, 282.1, 282.2, 282.3 и 360 УК РФ».

4. Возможно расширение перечня преступных деяний, относящихся к преступлениям террористического и экстремистского характера, финансирование которых будет сопровождаться конфискацией имущества. Для этого необходимо объединение усилий законодателя, судебных органов и правоприменителей. Учитывая особую опасность терроризма и экстремизма для нормального функционирования общества и государства, непрекращающиеся посягательства на суверенитет и независимость отдельных государств, попытки насильственного изменения их территориальной целостности и конституционного строя, применение конфискации как инструмента, способного значительно ослабить деятельность радикально настроенных групп и организаций, видится необходимой и актуальной мерой уголовно-правового принуждения, сопровождающей уголовное наказание.

5. Зарубежный опыт применения конфискации имущества заслуживает пристального внимания. Разумным следует признать закрепление норм, предусматривающих конфискацию имущества, в Особенной части УК, что позволяет четко определить перечень преступлений, по которым должна назначаться конфискация имущества. Закрепление императивной конфискации по отдельным статьям УК также видится правильным решением, позволяющим избежать проявлений коррупции и ухода виновных от имущественной ответственности. Это же относится и к введению альтернативы для осужденного при вынесении приговора судом о применении либо не применении конфискации имущества по отдельным видам преступлений.

В свою очередь, некоторые нормы уголовного закона зарубежных стран представляются непродуманными. Например, по латвийскому УК конфискацией охватывается любое имущество осужденного, в том числе – находящееся в собственности на законных основаниях до совершения преступления. Вызывают обоснованные вопросы применение конфискации за преступления, не причиняющие имущественный ущерб, и не посягающие на особо охраняемые объекты правоотношений. Заслуживает критики подход белорусского законодателя, предусмотревшего только альтернативные санкции, сформулированные как «с конфискацией имущества либо без конфискации».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение проведенного исследования представляется необходимым сделать ряд практических выводов и внести конкретные предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства в сфере нормативного регулирования института конфискации имущества.

История развития конфискации имущества показывает, что законодатель традиционно придавал большое значение данной мере принуждения. Уже в Русской Правде предусматривалось «разграбление» имущества виновного в качестве санкции за особо тяжкое преступление – убийство. В последующем нормы о применении конфискации имущества неуклонно расширялись, вовлекая в сферу своего действия не только имущественные деяния и преступления против личности, но и преступления против церкви, против государственной власти, против порядка управления и других особо значимых для правительства ценностей.

С течением времени и в зависимости от общественно-политической ситуации в России отношение высших правителей к необходимости конфискации имущества виновного менялось от полного запрета до повсеместного, зачастую крайне необоснованного, его применения. В период становления Советской власти конфискация имущества выступала в качестве инструмента политических репрессий и классовой борьбы. Уголовное законодательство советского периода рассматривало имущество, подлежащее конфискации, в первую очередь, как личное имущество, находящееся в пользовании осужденного. При этом не придавалось значения, являлось ли это имущество нажитым преступным путем, либо изначально принадлежало осужденному.

Сегодня статус института конфискации имущества продолжает оставаться неоднозначным. За период с 2000 по 2006 г. институт конфискации имущества подвергся полному уничтожению с исключением из текста УК РФ всех упоминаний о данном виде наказания, и последующему возвращению, но уже в качестве иной меры принудительного характера, что до настоящего времени служит предметом многочисленных научных дискуссий и споров.

В первую очередь, это обусловлено проблемами, возникающими при решении таких вопросов, как обязательность конфискации имущества; обоснованность отнесения отдельных видов преступлений к перечню деяний, при совершении которых возможно назначение конфискации имущества; виды имущества, на которое может быть обращено взыскание. Кроме этого, в законе не раскрываются понятия принудительности и безвозмездности отчуждения имущества как необходимых признаков конфискации.

Пробелом законодательства видится и отсутствие легально закрепленных дефиниций терминов, характеризующих виды имущества для целей возможной конфискации, в том числе «денег», «ценностей», «иного имущества». Кроме этого, практически не разработанным остается статус электронных денежных средств, которые также подлежат конфискации. Проблема видится в том, что для выяснения факта наличия электронных счетов необходимо запрашивать

информацию у множества электронных сервисов, что при отсутствии единой базы электронных денежных сервисов является достаточно трудоемким процессом.

Не вызывает поддержки и позиция законодателя в вопросе определения видов преступных деяний, за совершение которых возможно применение конфискации имущества. Налицо отсутствие логики и оснований группировки преступлений по определенным признакам, позволяющим четко и обоснованно установить признаки деяния, за совершение которого будет назначена конфискация имущества, а также отсутствие в перечне множества деяний, причиняющих материальный ущерб гражданам, организациям и государству; причиняющих вред здоровью; посягающих на жизнь сотрудников правоохранительных органов.

Кроме этого, правовым дефектом института конфискации имущества видится неурегулированность вопроса о том, является ли конфискация имущества обязательной, или выносится на усмотрение суда. В связи с чем предлагается следующая редакция части первой статьи 104.1 УК РФ:

«1. Принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора денег, ценностей и иного имущества, полученного в результате преступной деятельности (конфискация имущества), назначается судом в качестве иной меры уголовно-правового характера за совершение преступлений, предусмотренных:

а) ...» (далее – по тексту УК РФ).

Такая формулировка позволит исключить неопределенность в вопросах применения конфискации имущества, что, как представляется, значительно повысит уровень ответственности лиц, совершающих преступления.

В процессе исследования был сделан вывод о том, что данная мера имеет двойственный характер. С одной стороны, конфискация имущества выступает в роли наказания, лишая преступника денег, ценностей, недвижимости, иного имущества, полученного в результате преступной деятельности. С другой стороны, конфискация имущества предстает инструментом восстановления социальной справедливости и возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением. Поэтому в целом представляется возможным согласиться с позицией законодателя и отнести данный институт к иным мерам уголовно-правового характера, неразрывно связанным с уголовным наказанием.

Анализ судебной практики и правоприменительной деятельности позволили выявить ряд пробелов правового характера, препятствующих четкому определению перечня преступлений террористической и экстремистской направленности. Указано на несогласованность правовых норм Уголовного кодекса РФ, федеральных законов РФ и ведомственных нормативных актов, судебной практики, относящих преступные деяния к разряду террористических или экстремистских. В целях упорядочивания правоотношений в сфере установления ответственности за финансирование терроризма и экстремизма предложено внести изменения и дополнения в пункт «в» части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса РФ, изложив его в следующей редакции:

«в) денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования преступлений террористического и экстремистского характера,

предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 280.1, 282.1, 282.2, 282.3 и 360 УК РФ».

Также необходимо дальнейшее расширение перечня преступных деяний, относящихся к преступлениям террористического и экстремистского характера, финансирование которых будет сопровождаться конфискацией имущества. Кроме этого, санкции вышеуказанных норм необходимо дополнить указанием на безусловную конфискацию имущества.

Нельзя игнорировать и достижения зарубежного уголовного права в сфере института конфискации имущества. Анализ ряда уголовных кодексов зарубежных стран позволил выделить отдельные положения, которые можно и нужно применить отечественному законодателю.

Во-первых, большинство уголовных кодексов зарубежных стран поместили нормы, предусматривающие конфискацию имущества, в Особенную часть, что позволило четко определить перечень преступлений, по которым должна назначаться конфискация имущества.

Во-вторых, в уголовных кодексах зарубежных стран прослеживается заслуживающая внимания тенденция установления императивной и альтернативной конфискации. Закрепление императивной конфискации по отдельным статьям УК видится правильным решением, позволяющим избежать проявлений коррупции и ухода виновных от имущественной ответственности. В свою очередь, введение альтернативы для осужденного при вынесении приговора судом о применении либо не применении конфискации имущества по отдельным видам преступлений также представляется верным решением.

В целом, институт конфискации имущества по действующему Уголовному кодексу России продолжает свое формирование и требует дальнейшего пристального внимания со стороны законодателя, судебных органов и правоприменителя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Законодательно–нормативные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12.12.1993 г. – М.: Юрид. лит., 1997. – 37 с.
2. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Заключена в г. Нью–Йорке 09.12.1999) // СПС «Гарант».
3. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Заключена в г. Шанхае 15.06.2001 г.) // СПС «Гарант».
4. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. // СПС «Гарант».
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года // СПС «Гарант».
6. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161–ФЗ «О национальной платежной системе» // Российская газета. – 2011. – 30 июня.
7. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173–ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Российская газета. – 2003. – 17 декабря.
8. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162–ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – 16 декабря.
9. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35–ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. – 2006. – 10 марта.
10. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86–ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Российская газета. – 2002. – 13 июля.
11. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114–ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. – 2002. – 30 июля.
12. Федеральный закон от 26.03.1998 № 41–ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // Российская газета. – 1998. – 7 апреля.
13. Закон РФ от 15.04.1993 № 4804–1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Российская газета. – 1993. – 15 мая.
14. Постановление Правительства РФ от 05.01.1999 № 8 «Об утверждении Порядка отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням» // Российская газета. – 1999. – 22 января.
15. Указ Президента РФ от 11.01.1995 г. – № 32 «О государственных должностях Российской Федерации» // Российская газета. – 1995. – 17 января.
16. Указание Генпрокуратуры России № 65/11, МВД России № 1 от 01.02.2016 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «Гарант».
17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 1. С. 2–5
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1

«О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 4. С. 3–9

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 8. С. 4–7

20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1995. – № 1. С. 3–6

21. Определение Верховного Суда РФ от 03.10.2016 г. – № АКПИ16–915С «О возвращении апелляционной жалобы на решение суда по делу о признании террористической организацией» // СПС «Гарант».

22. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) // СПС «Гарант».

23. Декрет СНК от 9 мая 1918 г. «О предоставлении Народному Комиссариату Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» // СПС «Гарант».

24. Декрет СНК от 16 апреля 1920 г. «О реквизициях и конфискации» // СПС «Гарант».

25. Декрет СНК от 27 октября 1917 г. «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле» // СПС «Гарант».

26. Инструкция Народного комиссариата юстиции от 19 декабря 1917 года «О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний» // СПС «Гарант».

Книги и статьи

27. Абрамян, С.К. Борьба с преступлениями террористической и экстремистской направленности против сотрудников органов внутренних дел / С.К. Абрамян, С.В. Герасимов // Бакалавр. – 2018. – № 1 (1). – С. 67–71.

28. Алтухов, С.А. Конфискация имущества: неотъемлемое средство противодействия коррупции или очередная профанация? / С.А. Алтухов, А.И. Сасиков // Юристъ – Правоведъ. – 2016. – № 5 (78). – С. 40–43.

29. Анищенко, В.Н. О современной проблеме экономико-правового содержания понятия «деньги» / В.Н. Анищенко, А.В. Анищенко, А.А. Хабибулина // Правовое поле современной экономики. – 2017. – № 9. – С. 128–130.

30. Артикул Воинский от 26 апреля 1715 г. // Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1861 года / Сост. П.П. Епифанов. – М., 2019. – 520 с.

31. Базаров, Р.А. К вопросу о необходимости оптимизации уголовно-правовых мер борьбы с преступностью / Р.А. Базаров // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2017. – № 4. – С. 37–39.

32. Бойко, С.Я. Мошенничество в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья / С.Я. Бойко // Общество и право. – 2016. – № 4 (58). – С. 55–59.

33. Буркина, О.А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции / О.А. Буркина, А.А. Устинов // Вестник Пермского университета.

Юридические науки. – 2017. – № 2 (28). – С. 119–122.

34.Гладких, В.И. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / В.И. Гладких. – М.: Новосибирский государственный университет, 2017. – 410 с.

35.Давитадзе, М.Д. Уголовная политика и уголовный закон / М.Д. Давитадзе. – М.: Юриспруденция, 2018. – 220 с.

36.Дробот, С.А. Соотношение преступлений, предусмотренных ст. 360 УК РФ и ст. 205, 213, 277 УК РФ / С.А. Дробот, А.А. Куличков // Уголовное право. – 2019. – № 1. – С. 23–26.

37.Журналистов приравняют к государственным деятелям // Российская газета. – 2016. – 9 ноября.

38.Исаев, М.А. История Российского государства и права: учебник / М.А. Исаев. – М.: Статут, 2019. – 540 с.

39.Карнушин, В.Е. Гражданско–правовая сущность денег как объектов гражданских прав / В.Е. Карнушин // Юрист. – 2017. – № 3. – С. 22–25.

40.Ленин, В.И. Удержат ли большевики государственную власть? / В.И. Ленин / Полное собрание сочинений. Т. 12. – С. 308–313.

41.Маньков, А.Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России / А.Г. Маньков. – Л., 1980. – 330 с.

42.Маршакова, Н.Н. Преступления террористической направленности в системе уголовного законодательства: теоретическое исследование / Н.Н. Маршакова // Российский следователь. – 2017. – № 24. – С. 34–37.

43.Маслова, З.Г. Понятие, признаки и процессуальная природа мер государственного принуждения по уголовному делу / З.Г. Маслова // Вектор науки ТГУ. – 2019. – № 3. – С. 120–122.

44.Мишунин, П.Г. Очерки по истории советского уголовного права / П.Г. Мишунин. – М.: Госюриздат, 1954. – 310 с.

45.Набиев, М.А. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ) как преступление террористической направленности М.А. Набиев // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 6 (50). – С. 122–126.

46.Николаев, К.Д. Регламентация конфискации имущества в уголовном законодательстве России: Судебники 1497 и 1550 г.г. / К.Д. Николаев // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2017. – № (16). – С. 115–119.

47.Носов, М.Г. Сепаратизм в политической жизни современной Европы / М.Г. Носов. – М.: Институт Европы РАН, 2017. – С. 9–13.

48.Островская, Т.Н. Проблемы применения конфискации имущества по Уголовному кодексу Российской Федерации / Т.Н. Островская // Actualscience. – 2016. – Т. 2. – № 3. – С. 108–113.

49.Пашенко, Е.А. Конфискация имущества: реалии и ожидания / Е.А. Пашенко // Северо–Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 4. – С. 81–85.

50.Петрянин, А.В. Значение института экономических санкций в области

противодействия экстремизму / А.В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 3 (31). – С. 142–146.

51.Предупреждение вовлечения молодежи в террористические и экстремистские организации. Методические рекомендации. – СПб.: ООО «Издательство «РУСЬ», 2016. – 35 с.

52.Решетников, А.Ю. Общественная опасность и проблемы определения объекта посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля / А.Ю. Решетников / В сборнике: Современные проблемы уголовной политики. V Международная научно–практическая конференция / Под редакцией А.Н. Ильяшенко. – М., 2018. – С. 29–33.

53.Русская Правда (пространная редакция) / Подготовка текста, перевод и комментарии М.Б. Свердлова. – М., 2004. – 180 с.

54.Рябова, Л.В. Конфискация имущества – какая мера в нашем уголовном законодательстве? / Л.В. Рябова // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». – 2017. – № 2. – С. 22–24.

55.Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 гг. – М.: Зерцало, 1997. – 560 с.

56.Савельев, А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование / А.И. Савельев. 2–е изд. – М.: Статут, 2016. – 288 с.

57.Савченко, Д.А. «Переветнику живота не дати»: ответственность за помощь врагу по Псковской судной грамоте / Д.А. Савченко // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 5. – С. 767–770.

58.Сатина Э.А. Понятие и виды государственного принуждения / Э.А. Сатина // Вестник ТГУ. – 2019. – Выпуск 2 (30). – С. 72–75.

59.Сеничева, П.В. К вопросу о содержании понятий «государственный деятель» и «общественный деятель» (в рамках ст. 277 Уголовного кодекса РФ) / П.В. Сеничева / Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. – № 3. – С. 55–58.

60.Сосенков, Ф.С. О деструктивном воздействии сепаратизма на государственность / Ф.С. Сосенков, Е.А. Коломейченко // История государства и права. – 2018. – № 22. – С. 21–24.

61.Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т.2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И.Чистякова; Отв. ред. тома А.Д. Горский; Рец. В.И. Корецкий. – М.: Юридическая литература, 1985. – 420 с.

62.Уголовное уложение 1903 г. // Российское законодательство X – XX веков: Тексты и комментарии: В 9 т. / Ред. О.И. Чистяков. – М.: Юридическая литература, 1994. Т. 9. – 521 с.

63.Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод Законов Российской Империи. Том XV / Классика российского права. – М.: Спарк, 2019. – 670 с.

64. Федоров, Р.В. Конфискация имущества как мера восстановления социальной справедливости // Вестник Екатеринбургского института. – 2017. – № 2 (30). – С. 44–48.

Интернет-источники

65. Приговор Верхнесалдинского городского суда Свердловской области № 1–91/2017 от 7 сентября 2017 г. – <http://sudact.ru/regular/doc/4EQ7eQ4K5XJt>.

66. Приговор Екатеринбургского гарнизонного военного суда № 1–112/2019 от 23 декабря 2019 г. – <http://sudact.ru/regular/doc/FncnJVTrYIHX>

67. Приговор Карталинского городского суда Челябинской области № 1–99/2020 от 16 января 2020 г. по делу № 1–99/2020 – <http://sudact.ru/regular/doc/70aDhNcXnbUd>.

68. Приговор Красногорского районного суда г. Каменск–Уральского Свердловской области № 1–264/2016 от 2 ноября 2016 г. по делу № 1–264/2016. – <http://sudact.ru/regular/doc/zAKWp3VTMOYb>.

69. Приговор Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга № 1–227/2018 от 15 июня 2018 г. – <http://sudact.ru/regular/doc/VexFORdbkMbW>.

70. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области по делу № 1–336/2019. – <http://sudact.ru/regular/doc/ccIctdleA9dS>.

71. Приговор Пластского городского суда Челябинской области № 1–69/2016 от 22 июля 2016 г. – <http://sudact.ru/regular/doc/aa45nj0TAZJw>.

72. Приговор Ревдинского городского суда Свердловской области № 1–125/2019 от 22 июня 2019 г. – <http://sudact.ru/regular/doc/5ETvEPlk18Wq>.

73. Приговор Свердловского областного суда № 2–5/2018 от 30 апреля 2018 г. – <http://sudact.ru/regular/doc/Z6JfDLXg3vu>.

74. Приговор Свердловского областного суда № 2–79/2016 от 22 декабря 2016 г. – <http://sudact.ru/regular/doc/2FitaLhtCIVr>.

75. Приговор Сухоложского городского суда Свердловской области № 1–23/2017 от 5 февраля 2017 г. – <http://sudact.ru/regular/doc/twCZmxw4k0r1>.

76. Приговор Троицкого районного суда Челябинской области № 1–111/2019 от 28 сентября 2019 г. по делу № 1–111/2016. – <http://sudact.ru/regular/doc/HmDGLzf6CQWl>.

77. Апелляционное постановление Московского городского суда № 10–13158/2018 от 22 сентября 2018 г. – <http://sudact.ru/regular/doc/4gL3W0VcXVWh>.

78. Уголовный кодекс республики Беларусь. – <http://уголовный-кодекс.бел>.

79. Уголовный кодекс республики Казахстан. – http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252.

80. Уголовный кодекс Латвийской республики. – <http://www.crimpravo.ru/codeks/latvii/2.doc>.

81. Уголовный кодекс республики Франция. – <http://crimpravo.ru/codecs/france/2.doc>.

82. Уголовный кодекс ФРГ. – <http://crimpravo.ru/codecs/germany/2.doc>.